

Православные ПРАЗДНИКИ

в рассказах
любимых писателей
КРУГЛЫЙ ГОД

ВЛАДИМИР ЗОБЕРН

Сборник

**Православные праздники в
рассказах любимых писателей**

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 281.9
ББК 86.372

Сборник

Православные праздники в рассказах любимых писателей /
Сборник — «РИПОЛ Классик», 2019

ISBN 978-5-386-12370-3

Книга предназначена для чтения в кругу семьи. Это подборка стихов и прозаических текстов, посвященных двенадцатым и великим православным праздникам, дням памяти особо чтимых на Руси святых, богородичных икон, таким важным событиям православного цикла, как Великий и Рождественский посты, Радоница. Объяснения праздников рассказывают о смысле их названий, обстоятельствах и времени установления, традициях, связанных с ними.

УДК 281.9

ББК 86.372

ISBN 978-5-386-12370-3

© Сборник, 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Рождество Богородицы	8
Митрополит Вениамин (Федченков)	11
Глава 2	14
Когда креста нести нет мочи...	14
У Креста	15
Архимандрит Симеон (Нарбеков)	16
Иван Шмелев	17
Глава 3	18
Вера	18
Вера и надежда	19
Сила любви	20
Борис Зайцев	21
Глава 4	23
Хвала Богоматери	23
Евгений Поселянин	25
Глава 5	26
Голос Божий	26
Софья Снессорева	28
Глава 6	29
Покров	29
Иван Шмелев	31
Глава 7	37
Три свечи	37
Евгений Поселянин	40
Глава 8	42
N	44
Глава 9	46
Архангел Михаил	46
Иван Шмелев	48
Глава 10	55
Иван Шмелев	57
Глава 11	62
Введение	62
Евгений Поселянин	64
Глава 12	67
Георгий Победоносец	67
Перед иконой св. Георгия	69
Георгиевский кавалер и... крыса	71
Глава 13	72
Перед иконой Богоматери	72
Георгий Северцев-Полилов	74
Глава 14	77
Христос	77
Александр Красницкий	79

Глава 15	82
Святая великомученица Варвара	82
Чему нас учат небеса	83
Евгений Поселянин	84
Глава 16	86
Касьян и Микола	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Православные праздники в рассказах любимых писателей. Круглый год

*Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р18-814-0508*

* * *

То были времена чудес,
Сбывались слова пророка,
Сходили Ангелы с небес.
Звезда катилась от Востока,
Мир искупленья ожидал —
И в бедных яслях Вифлеема,
Под песнь хвалебную Эдема,
Младенец дивный воссиял,
И загремел по Палестине
Глас вопиющего в пустыне...

Лев Мей

Предисловие

Трудно вообразить, какой была бы жизнь без праздников – несомненно, очень унылой, безрадостной. Случалось ли вам видеть промышленные города, где улицы сплошь состоят из фабрик и заводов? Более неприглядной картины, чем эти улицы, нельзя и вообразить... Таковы должны быть ощущения от жизни, состоящей из одних будней, без праздников. Но душа не переносит этого удручающего однообразия, она требует ярких, цветочных пятен, горящего солнца, смеющегося неба, песни жаворонка, радости жизни. Все это дает праздник. При религиозном, христианском отношении к нему он приносит столько радости, столько чистых восторгов, что жаль становится тех людей, которые не получили церковного воспитания и никогда не переживали этого святого подъема праздничного настроения. Даже будни после праздника становятся как-то содержательнее, осмысленнее и потому интереснее. (Священноисповедник Василий (Преображенский). «Беседы на Евангелие от Марка»).

Церковный год начинается большим Богородичным праздником – Рождеством Пресвятой Богородицы. И заканчивается он также большим праздником – Успением Пресвятой Богородицы.

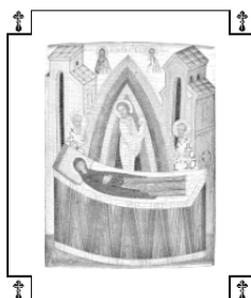
Истинное, глубинное ощущение религиозных, небесных праздников доступно праведным, святым людям. Как писал митрополит Вениамин (Федченков), «праздники – это дело будущего века. А здесь – удел святых. „У меня всегда Пасха!“ – говорил один пустынник. А преподобный Серафим всегда пел: „Христос воскрес“, – или встречал людей этими же словами, добавляя собеседнику, от полноты радующегося сердца своего, титул: „Радость моя!“».

К этой чистой радости Православная Церковь призывает прикоснуться в особые праздничные дни каждого человека. И конечно, духовная глубина и красота церковных, воистину небесных праздников не могла не вдохновлять писателей – духовных и светских. С прекрасными плодами этого творческого вдохновения и призвана познакомить читателей наша книга.

Глава 1

Рождество Пресвятой Богородицы

*Небо спустилось
на землю*

Глава 1.

РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

(21 сентября)

Рождество Богородицы

Средь гор, в глубокой котловине,
храня преданья древних лет,
еще красуется донныне
священный город Назарет.

В трудах, молитве непрестанной
здесь доживал свой тихий век
благочестивый человек —
Иоаким с женою Анной.

Уже давно в их волосах
сребряются старости седины,
давно потух огонь в очах,
чело прорезали морщины.

Слабеют силы; но опоры —
увы, — для старцев честных нет,
и, может быть, придется скоро
бездетным им покинуть свет,

и не увидит поколение
их дней пришествия Христа,
когда свершится искупление, —
пророков светлая мечта.

И сердце старцев постоянно
болело тайною тоской,
и слезы горькие порой
лила тоскующая Анна.

Но вот настали дни иные
для бедных старцев – наконец
над ними сжалился Творец, —
у них родилась дочь – Мария.

Младенца чудного рожденье
казалось старцам сладким сном,
как будто райское виденье
их осенило мирный дом.

Казалось, ангелы витали
среди этой мирной тишины
и сердцу тайно навевали
святые, радостные сны.

Их жизнь была, как путь без цели,
пуста, уныла и темна: —
у этой детской колыбели
вдруг изменилась она.

Забыты горе и печали,
забыты скорби прежних дней;
чредою быстрою бежали
теперь их дни, зари ясней

Священник А. Ушаков

Объяснение праздника

...Наступила осень. Забелели первые заморозки. Пруды стали неприветливы, а вода в них студеной. Деревья еще стоят в зеленом уборе, но листья уже опадают и мягко шуршат под ногами. Желтизна и багрянец спорят с зеленью. В эту пору празднуется Рождество Богородицы.

...Маленький городок Назарет, в трех днях пути от Иерусалима. В городке жила бездетная пожилая чета – священник Иоаким из царского рода Давида и Анна. И вот явление Ангела праведной Анне: «Твоя молитва услышана. Вопли твои прошли через облака, слезы твои упали перед престолом Господа, ты родишь Дочь благословенную, выше всех дочерей земных, ради Нее благословятся все роды земные, через Нее дастся спасение всему миру, и наречется Она Марией».

И через девять месяцев рождение Девы Марии. Явилась в мир Та, в лице Которой небо спустилось на землю, и Она в земном теле будет взята на небо и коронована Божественным Сыном на Царство Небесное.

Появляется у человечества крепкая Заступница и Помощница, Та, Которая примет всякий вздох и отрет всякую слезу, райский луч, струя свежего живительного воздуха в томлении земной темницы.

«Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной».

Евгений Поселянин. «Мир веры»

Митрополит Вениамин (Федченков) Величание Богородицы

Никогда заранее не узнаешь: что именно упадет тебе на душу от начинающегося праздника; и в особенности не догадаешься (да и не нужно): с чего именно прежде всего начнет душа воспринимать праздник; или: что даст прежде всего благодать праздничная. Потому думаю, – лучше всего, достойно приготавливаясь, ничего искусственно не придумывать, а смиренно предоставить себя благодати Божией, особенно – в храме.

Вот как было со мною на этот праздник. Пришел я к вечерне без всяких мыслей... Разве одно предположение мелькало иногда: «Этот праздник не даст ни особенных чувств, ни выдающихся мыслей». Но, с другой стороны, стало от этого предположения еще интереснее: «А если они будут, то какие же именно переживания?» И это оставалось драгоценной загадкой: что Богородица даст?

Прочитали 9-й час. Началась вечерня. Запели стихиры на «Господи, воззвах».

О Богородице поем...

И вдруг стало трогательно-отраднo на душе. Богородица... Богородица есть. Вообще – есть... И это стало радостно. Даже и не знаю еще: почему?.. Промелькнула радость и, оставив след, отлетела. А потом добавилось в душе: какая у нас, людей, Заступница великая! Сама Богородица!

И мне – Она тоже Заступница. И Заступница, превосходящая всех ходатаев и заступниц: выше святых и архангелов!..

И тут опять я почувствовал, что Ей – именно Ей одной – дано исключительное посредство между Богом и людьми; конечно, после и ради Господа Спасителя, Сына Божия.

Почему именно теперь почувствовалось так, я уж и не знаю: ведь сколько раз ежедневно повторяется это пресвятое имя, а я, однако, не ощущал силы его с такою ясностью.

И притом – не от каких-либо разъяснений в стихирах, а вот от одного этого слова «Богородица» или «Дева» было и отраднo на душе, и ощутилось: какая стена-Заступница у нас!

Пред вечернею в скиту были некоторые «дела», в коих принимал участие и я. Становилось уже темно: пора было служить вечерню; а после – читать правило ко причащению. На все это нужно достаточно времени... А «дела» еще не закончены. И я подумал: «Не буду служить на предпразднство. Тем более что только ныне служил литургию. Да и отдохну немного». Так и сказал сожителю скитскому. А он иначе взглянул: «Завтра уже праздник начинается – лучше бы служить».

Я и сам внутри сознавал это... Стало совестно. И я согласился. После вечерни прочитал правила – «готовился». Но был наказан за свое «не буду». Утром открылось такое нездоровье, что я при всем желании не мог бы служить, и не служил не только литургии, но даже и утрени почти не стоял. И сразу понял я, что был наказан: мне, грешнику, нужно бы радоваться, что даруется милость Божия – служить спасительную литургию; а я еще дерзнул отказаться: точно я кому-то доставляю услугу... О окаянство наше!.. Дай Кому? Заступнице же моей!.. И наказание было достойным и праведным!

Пишу это совсем не ради описаний личных чувств «из дневника», а для того, чтобы показать: как внимательно нужно готовиться к праздникам!..

После обеда я пошел из скита в монастырь, к празднику Малой Госпожи, – в отличие от Великой Госпожи, Успения... Ходу часа два – два с половиной, если не спешить. Ходу – девять километров.

И стала в пути размышлять о празднике. И первые мысли остановились на самом времени праздника. Как мы знаем, по церковному счету новый год начинается не с января, а с сентября.

И первый праздник в церковном году – Рождество Богородицы. У Господа и в Церкви ничего нет случайного. И это обстоятельство, что праздники начинаются с Богородичных событий, а не со Спасителя, весьма хорошо и разумно.

С одной стороны, ясно – потому, что Божия Матерь предшествовала Своему Сыну и Сыну Божию. Но есть и другой смысл: к праздникам Господским нужно еще подготовиться, подойти, – а это можно лишь постепенно делать. Представим себе: если бы после Преображения и Успения, столь славных праздников, вдруг открылось бы Рождество Христово?! Это было бы не по силам: перегружение, неподготовленность. Нужно, наоборот, так установить, чтобы великие Господни дни приближались постепенно и издалека, чтобы был перерыв...

Так и есть... До Рождества еще четыре месяца... А это промежуточное время занято Богородицею: Рождением и Введением Ее в храм. Празднуя же Богородицу, мы точно вступаем в тенистую аллею, ведущую ко дворцу Господских праздников, виднеющемуся вдали. Через Нее мы прозираем Господа. Однако лишь прозираем, лишь подготавливаемся. А празднуем Ее: конечно, кого же больше, как не Ее?

Все это ясно почувствовалось мне в пути: все премудро и отраднo.

И конечно, из Богородичных праздников первый по времени – Рождение Ее. Начало года – начало спасения нашего...

В таких думax я незаметно приближался к монастырю. Уже невдалеке от него я вспомнил и свое детство, и отношение к праздникам.

Вот я – маленький школьник духовного училища. Учение началось лишь две недели. Все мне ново и интересно: и в «огромном» губернском городе, и на чинных уроках в школе, и в училищном храме, где так хорошо поют и служат, где все чисто убрано, светят лампы...

Приближается праздник Рождества Богородицы. Это – первый праздник в году училищной жизни...

Подчистишься, вымоешься... Идем парочками из «своекоштного» общежития в храм училища. Еще остается минут пятнадцать – двадцать до всенощной. Всюду оживление и радость...

Праздник... И конечно, мы не вникали в песнопения и смысл богослужения. А радость была яркая. Что-то точно грело душу. Будто бы кто лампаду засветил в сердце...

Звонок. Идем в храм. Становимся рядами. Тишина...

Уже темнеет: шесть часов вечера. Лампады и свечи приветливо мигают живыми огнями. Открываются царские врата... Начинается служба. Поют хорошо: «большие» (то есть басы и тенора) – из семинарии богословы. Солидные. Отлично одетые, как большие: в черных сюртуках, в накрахмаленных рубашках с галстуками. Сзади воспитанников – семьи преподавателей и их сродников.

И все так мирно и чинно. И кто, кто бы мог думать, что через двадцать пять лет все перевернется на русской земле?! То было в 1893 году...

Но вернусь к святому мирному детству... Священник, о. И. Делициев, светлый блондин, служит прекрасным тенором и вразумительно. И не замечаешь, как проходит всенощная. А утром опять радостно бежишь к службе. Литургия опять проходит незаметно-отраднo. И весь день праздничное настроение... Даже к вечеру, когда на занятиях (то есть часах) все собраны по комнатам учить уроки за общими столами, и тогда еще на душе остается тепло от проходящего праздника.

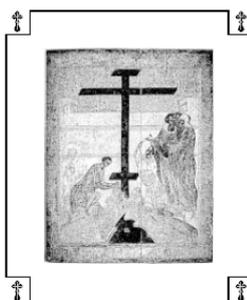
А там через несколько дней будет другой праздник – Воздвижение Креста... Снова будет радость... И так от праздника до праздника... А кроме того, всякую неделю бывал праздник Воскресения.

И никогда-то, никогда я не тяготился службами... Да можно ли тяготиться радостью?! А ее очень хорошо знало чистое детское сердце. Благодать Божия освещала, и освящала, и радовала душу...

Глава 2

Воздвижение Животворящего Креста Господня

Три креста

Глава 2.

ВОЗДВИЖЕНИЕ ЖИВОТВОРЯЩЕГО КРЕСТА ГОСПОДНЯ

(27 сентября)

Когда креста нести нет мочи...

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Константин Романов (К. Р.)

У Креста (Ин. 19)

Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.

Что сделал Он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?

Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал, —
И мир Его невинной кровью
Себя навеки запятнал...

Семен Надсон

Объяснение праздника

Этот праздник первоначально был установлен в память обретения Честного и Животворящего Креста Господня (в 326 году) равноапостольной царицей Еленой, матерью первого христианского императора Константина Великого, а с VII века с этим днем стало соединяться воспоминание о возвращении Животворящего Креста из Персии греческим императором Ираклием (в 620-е годы). При поставлении Креста, возвращенного из Персии, как и при его обретении, патриарх, чтобы дать возможность всем собравшимся на торжество видеть святыню, воздвигал, то есть поднимал Крест, обращая его ко всем четырем сторонам. И каждый раз народ благоговейно преклонялся, повторяя: «Господи, помилуй!» Поэтому праздники получил название: Воздвижение Креста Господня.

Архимандрит Симеон (Нарбеков)

Три креста

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!» Три креста было на Голгофе. На одном был распят Царь милости – Христос; на другом – разбойник, эту милость восприявший; на третьем – разбойник, эту милость отвергший. А кругом стояла толпа, злобно издевавшаяся над распятым Человеколюбцем. Вместе с толпой Христа злословили и распятые с Ним разбойники. Как объяснить эту жестокость в распятых среди их предсмертных мук? В жизни горе очень часто злобно и раздраженно богохульствует, в мрачном отчаянии отвергая Христа и идя за тем, кто говорит, что для человека все кончается тлением могилы. Но все это не дает отрады, не дает покоя страдавшей душе, жизнь в ней замирает, и уже здесь, на земле, от нее веет мукой ада, его мраком и его бессилием. Бессилие ада, оно сказалось в тех криках, какие слышались на Голгофе: «Если Ты – Сын Божий, то сойди со креста, и спаси Себя и нас». Эти крики – слабый звук, последнее эхо тех искушений, которыми дьявол искушал Христа в пустыне. И это бессилие ада, эту Его муку вдруг уразумел благоразумный разбойник и дал в своем сердце место чувству сострадающей любви; искра этой любви разгорелась в нем в пламя веры, и он воскликнул: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!»

Друг мой и брат, страдающий брат! В своем страдании, в своем горе не замыкай своего сердца от направленных на тебя лучей любви, откуда бы эти лучи ни шли, хотя бы от ласковой улыбки малого дитяти, и на любовь ответь любовью. Не забудь, что лишь дьявол никого не любит и потому вечно страдает.

Три креста было на Голгофе. Один из них взял себе в удел дьявол. И этот крест стал символом страданий дьявольской гордыни, символом замкнувшегося в себе эгоизма, страданий вечных, неизбывных. Второй крест – Крест Христов – символ всепрощающей, всеобъемлющей Божественной Любви. А третий крест, крест благоразумного разбойника, – это символ нашей земной, человеческой, кающейся и страдающей любви, без слов понятной каждому, кто любит и страдает и кто эту любовь озаряет благодатным светом Животворящего Креста.

Иван Шмелев Воздвижение

Воздвижение Креста Господня... – праздник папашеньки, так мне всегда казалось. Всегда, когда зажигал лампадки, под воскресенье, ходил он по комнатам с затепленными лампадками и напевал тихо, как про себя, – «Кресту Твоему-у... поклоня-емся-а. Влады-ы-к-о... и свято-о-е... Воскре-се-ние...» Я подпевал за ним. Теперь Анна Ивановна затепливает лампадки каждый вечер, вытирает замасленные руки лампадной тряпочкой и улыбается огонькам-лампадкам на жестяном подносе, а когда поставит в подлампажник, благоговейно крестится. Так хорошо на нее смотреть, как она это делает. Такая она спокойная, такая она вся чистая, пригожая, будто вся светлая, и пахнет речной водой, березкой, свежим. Такое блистающее на ней, будто новенькое, всегда платье, чуть подкрахмаленное, что огоньки лампадок сияют на нем живыми язычками – синими, голубыми, алыми... и кажется мне, что платье на ней в цветочках... Я учу ее петь «Кресту Твоему», а она его знает и начинает тихо напевать, вздыхает словно, и таким ласковым, таким затаенным и чистым голоском, будто это ангелы поют на небеси.

Она входит с лампадкой в спальню, движется неслышно совсем к киоту в правом углу, где главные наши образа-«благословения»: Троица, Воскресение Христово, Спаситель, Казанская, Иоанн-Креститель, Иван-Богослов... и Животворящий Крест в «Праздниках». Она приносит пунцовую лампадку и чуть напевает-дышит – «И свято-о-е... Воскресение Твое...». Я заглядываю за ширмы, слушает ли отец. Он будто дремлет, полулежит в подушках, а глаза его смотрят к образам, словно он молча молится, не шевеля губами. Он слышит, слышит!.. Говорит слабым голосом:

– Славный у тебя голосок, Аннушка... ну, пой, пой.

И мы, вместе, поем еще. Я пою – и смотрю, как у Анны Ивановны открываются полные, пунцовые, как лампадка, губы, а большие глаза молитвенно смотрят на иконы.

И так хорошо, уютно в спальне – от лампадок, от малиновых пятен на плотных занавесках, где пало солнце, от розового теперь платья Анны Ивановны, от ее светлого, чистого напева. Отец манит Анну Ивановну, ласково смотрит на нее и говорит по-особенному как-то, не так, как всегда, шуточно:

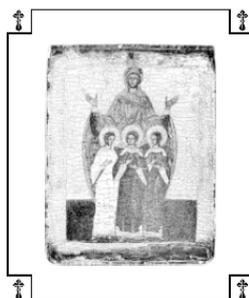
– Хорошая ты, душевная... знал я, добрая ты... а какая хорошая-ласковая... не знал. Спасибо тебе, милая Аннушка... за всю доброту твою...

Из книги «Лето Господне» (отрывок)

Глава 3

Святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и мать их София

Итальянки

Глава 3.

СВЯТЫЕ МУЧЕНИЦЫ ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ И МАТЕРЬ ИХ СОФИЯ

(30 сентября)

Вера

Блажен, кто верою святою
свой дух возвысил, окрылил,
и сердце, как стальной броней,
от бурь житейских укрепил.

Тому не страшны испытанья,
ни даль, ни моря глубина;
не страшны горе и страданья,
и сила смерти не страшна

А. Ушаков

Вера и надежда

Протекших радостей уже не вернуть;
Но в самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привиденье
И трудная стезя к ничтожеству ведет?
Ах! нет, мой милый друг, не будем безнадежны;
Есть пристань верная, есть берег безмятежный;
Там все погибшее пред нами оживет;
Незримая рука, простертая над нами,
Ведет нас к одному различными путями;
Блаженство наша цель; когда мы к ней придем —
Нам Провидение сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнем:
Надеждой не вотще нас Небо одарило.

Василий Жуковский

Сила любви

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий,
Мир, погрязший в грязи и крови,
Верь в великую силу любви!

Семен Надсон

Объяснение праздника

В широко распространенном житии святых мучениц рассказывается, что они происходили из Италии. Их мать была христианкой и назвала своих дочерей именами трех христианских добродетелей. Святая София и ее дочери не скрывали своей веры во Христа. Об этом стало известно императору Адриану, и тот повелел привести их в Рим. Призывая к себе по очереди сестер, Адриан убеждал их принести жертву богине Артемиде. Юные девы (Вере было двенадцать лет, Надежде – десять, а Любви – девять) отказались. Тогда император приказал жестоко истязать их. Святую Софию подвергли тяжелейшему испытанию: ее не казнили, ей оставили жизнь, но оставили и безысходное горе – мать вынуждена была смотреть на страдания своих дочерей. Перенеся невиданные муки, три отроковицы мужественно встретили свою кончину. Святая София, «принявшая страдания за Христа не телом, а сердцем», похоронила дочерей недалеко от города и три дня не отходила от их могилы, пока не предала свою душу Господу.

Анатолий Холодюк.

«Софии честныя священнейший ветви, Вера и Надежда и Любовь...»

Борис Зайцев **Вера, Надежда, Любовь и София**

Вчерашнее

17 сентября¹ было в России днем радости, света, веселья: четыре именинницы! Но говорили: «Вера, Надежда и Любовь». Все Софии, разумеется, праздновали, но по-настоящему заполняли день три первые – дети Софии.

В Москве день этот даже внешне отличался. Праздником государственным не был, но и на другие дни не походил. Кондитерские завалены заказами – торты, пироги, коробки конфет. Цветы в магазинах нарасхват. Извозчики – лихачи особенно – тоже. По виду московских улиц, разных Моховых, Никитских, Пречистенок, сразу можно было сказать, что происходит нечто праздничное: катили лихачи, нарядные молодые люди везли букеты или сладкие изделия разных Флеев, Бартельсов, Филипповых.

Барышни-именинницы принаряжались и душились. Ходили в церковь – не так уж, впрочем, усердно. Конечно, дамы, матери семейств, с этими именами тоже праздновали, но оттенок юности и цветения некоего лежал на этом дне. Сами дамы моложе себя чувствовали.

С четырех часов до позднего вечера – все посетители и поздравители, цветы, конфеты, дома та веселая суматоха, что и есть день именин. Только в России было это – день мучениц обратился как бы в пасхальное нечто. И в пасхальности этой юные Вера, Надежда и Любовь затмевали Софию – основу удивительного дня.

Барышни наряжались, благодарили за подарки или сласти, иногда вечером танцевали, молодые люди (да и не очень молодые) озабочены тем, чтобы успеть поздравить всех знакомых именинниц. В этот день было много улыбок, может быть, начинающих сердечных склонностей, света, радостей краткой нашей земной жизни. Вера, Надежда, Любовь.

История

Как непохоже на страшный рассказ жития! А вот он именно и произвел все это. Трудно отделить действительность от легенды. Из туманов Рима – второй век, император Адриан (чьей виллой любовались мы в молодости под Римом) – восстает прежде всего облик Софии, «италианки родом», матери трех девочек: Веры, Надежды и Любви. Она вдова. Воспитала детей строго религиозно и в полном себе подчинении. Девочки – уже молитвенницы, читают только божественное, «исполняют домашние работы, во всем повинуются матери».

Как и Татиану, их погубила добрая слава. Слишком они выдавались из обыденности. Необыкновенная мать, необычные девочки. «Наместник Антиох пожелал видеть их, наслышавшись, что они христианки». За ними послали. Конечно, они были подготовлены и как бы зажжены матерью. Жили восторгом и любовью к Христу – разнствуют, однако, их характеры с матерью. Как бы в соответствии с именами окружает их дух света и радости. Вера, Надежда, Любовь! Все этим сказано.

Знают, что прислали не напрасно: христианская община в Риме видела уж достаточно мучеников. Много, конечно, об этом слышали. Но идут, взявшись за руки, неразрывные три сестры, великие качества души: Вера, Надежда, Любовь, – вот идут с матерью и «весело» смотрят на «царя». По Житию, «царь», расспросив их, отправил к «благородной Паллади, для надзора». Мать все три дня провела с ними, укрепляя и поддерживая.

Наконец, суд. Как всегда, требуют поклониться «идолам». Если да – будут названы дочерьми императора. Обращаются с ними пока даже ласково.

¹ Ст. ст. – Примеч. ред.

Но девочки тверды.

– Мы имеем Отцом Бога Небесного и желаем страдать и терпеть за Иисуса Христа.

Софию спрашивают об именах и возрасте.

– Вере двенадцать, Надежде десять, Любви девять лет.

Вера первая идет на испытание. «Принеси жертвы великой Артемиде». Отказ. Тогда начинают ее мучить (обычный арсенал пыток) – на глазах матери. Но мать, как и девочки, особенная. («Своим слугам Бог дает огромные, нечеловеческие силы».) Эти силы несли двенадцатилетнюю Веру и последовавших за нею Надежду и Любовь. В другом роде – и Софию.

По Житию, все девочки выдержали мучения, не поддались, как и трагическая София: точно из металла она вылита. Девочкам отрубили в конце концов головы, София остается Софией: нечто величественное есть в ней, даже и грозное. В житийном рассказе она напоминает скорее не просто «вдову италианку», а властную, неколебимую царицу, посылающую детей своих на гибель: для нее тот мир ближе и действительнее этого. В нем веселые Вера, Надежда и Любовь будут еще светлее и веселее – уже веселостью и светом неземным.

«Мать собрала их останки в ковчег, украсила их и на колеснице отвезла за город». Будто сама она и правит колесницей и конями, и эти кони, колесница – все туман мифа, как и сама она в эти минуты – небожительница, сошедшая в наш жалкий мир.

«Похоронила на высоком месте». Появляется наконец мать: похоронила «со слезами». И дальше все уже земное: не из одних нечеловеческих видений состоит земной человек: если Спаситель тосковал в Гефсиманском саду, то что сказать о «вдове италианке»?

И вот сидит она на могиле и молится, плачет. Ничего в жизни не осталось.

Не все может вынести даже железное сердце. Три дня провела близ останков дочерей-мучениц. Наконец «самауснула сном смерти». Там же и была погребена верующими, рядом с детьми.

Церковь причислила ее к мученицам не за телесное страдание, а за душевное.

Имена и судьбы

Вера – имя белое, сияющее, даже слепительное (светом несколько нематериальным). Надежда более окрашена, скорее тепло-оранжевым. Цвет Любви трудно определить, но из трех – самое мягкое и особенно женственное.

Все три имени очень приросли к России. С историей ее никак не связаны, с жизнью – весьма. В просвещенном кругу особенно были распространены. Все, конечно, забыли, что это девочки-мученицы. Даже на иконе Вера (с крестом в одной руке, в другой – с пальмовой ветвью) изображена взрослой девушкой.

На иконе взгляд ее скорее грустный, обреченный – агнец, ведомый на заклание. Но в сознании русском преобразились все три страдальцы в символ света и радости – Вера, Надежда и Любовь несут радость: как земную, так и выше земной находящуюся.

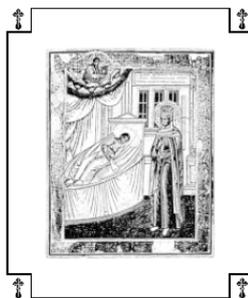
Особое дело – София. София, «Премудрость Божия», пришла в Россию давно, в знаменитых Соборах – Киевском, Новгородском – св. Софии. Это не София – мать мучениц и сама мученица, но имя то же. Судьба имени этого иная. Как в самих Соборах есть некая строгость, даже суровость куполов-шлемов, так вела путь свой София российская прямо из Византии: Иоанн III взял Софию Палеолог, греческую царевну, стала она русской царицей. Позже – царевна София петровских времен: тоже история и уже в драматическом роде. Эти имена связаны с мученицей св. Софией, матерью девочек.

Имя прекрасное и глубокое, строгое и величественное. Несколько холодноватое. Ни в жизни русской, ни в литературе не привившееся.

Глава 4

Икона Божией Матери «Целительница»

Радуйся, Благодатная!

Глава 4.

ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА»

(1 октября)

Хвала Богоматери (отрывок)

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая,
Огнезрачных серафим,
Очистилище чистейшее!
Госпожа всенепорочная,
Без исленья Бога родшая
Незакатная звезда.
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная,
Живоносная вода!

Максимилиан Волошин

Объяснение праздника

Явление одной из древнейших икон Божией Матери «Целительница» произошло во времена святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии (IV век). Икона находилась в Цилканском храме в местности Карталинии.

Икона изображает Божию Матерь, стоящую у постели больного клирика. Иконографическим сюжетом для чудотворного образа послужило предание о чудесном исцелении, описанном в сочинении святителя Димитрия Ростовского «Руно орошенное»

См. сайт «Азбука веры»: <http://www.azbyka.ru>.

Евгений Поселянин

Радуйся, Благодатная!

Один из клириков Наварнинской церкви имел благочестивую привычку при входе в церковь и выходе из нее преклонять колена перед образом Божией Матери и произносить краткую молитву: – Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою! Блаженно чрево, носившее Христа, и сосцы, питавшие Господа Бога и Спасителя нашего!

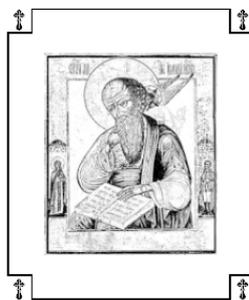
Однажды благочестивый клирик заболел мучительной болезнью: у него начал гнить язык, и боль была настолько сильна, что он терял рассудок. Придя в себя, больной в уме прочитал свою обычную молитву к Богородице и тотчас у своего изголовья увидел прекрасного юношу. Больной понял, что этот гость – его ангел-хранитель. Глядя с состраданием на больного, ангел обратился к Пресвятой Богородице с молитвой об исцелении.

Тогда явилась Сама Божия Матерь и, умиловшись над болящим страдальцем, явила знамение Своей великой любви. Больной почувствовал себя совершенно здоровым и пошел в церковь. Став на клиросе, он принял участие в церковном пении, приведя в изумление народ. Это великое чудо подало повод к изображению иконы Богородицы «Целительница».

Глава 5

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов

Апостол любви

Глава 5.
**СВЯТОЙ АПОСТОЛ
И ЕВАНГЕЛИСТ
ИОАНН БОГОСЛОВ**
(9 октября, 21 мая)

Голос Божий

Когда скорблю я духом
О суете земной,
Какой-то голос чудный
Беседует со мной.
Его созвучий прелесть
Молитвенно чиста,
Вторить им не посмеют
Греховные уста.
Его слова святы
Я слышу, как во сне, —
Но все при нем так ясно
И так понятно мне.
И счастья земного
Тогда я не прошу,
И сознаю, что Бога
В груди моей ношу.

Константин Льдов

Объяснение праздника

Святой апостол Иоанн был сыном рыбака Зеведея и Саломии, людей благочестивых, и братом апостола Иакова Зеведеева. Он происходил из Вифсаиды Галилейской. Иисус Христос призвал его из числа учеников святого пророка Иоанна Предтечи. Апостол Иоанн был особо любимым учеником Христовым. Ему вместе с апостолом Петром Господь открыл предателя на Тайной вечери. Он единственный из апостолов был у креста Господня, где Иисус Христос поручил ему Свою Матерь.

До успения Пресвятой Богородицы Иоанн не отлучался из Палестины, потом жил и проповедовал в Эфесе. Когда император Домициан начал гонение на христиан, Иоанн был доставлен в Рим. Здесь его хотели умертвить ядом, но Иоанн, выпив яд, остался невредим. Затем его бросили в котел с кипящим маслом. Но Господь и здесь сохранил апостола, и он вышел из котла таким же невредимым, как отроки Анания, Азария и Мисаил из огненной печи. Тогда народ, видя чудеса, воскликнул: «Велик Бог христианский!», и многие уверовали во Христа.

Домициан же приговорил апостола к изгнанию в окопах на пустынный остров Патмос, куда ссылались самые опасные преступники. По пути на Патмос Иоанн сотворил много чудес, и многие уверовали во Христа. На острове он своими чудесами обратил ко Христу почти всех жителей. Здесь апостол Иоанн написал книгу, называемую по-гречески «Апокалипсис», т. е. «откровение», в которой таинственно изображается будущая судьба Церкви Христовой и всего мира.

После смерти Домициана Иоанн был возвращен в Эфес. Тут епископы и правители показали ему три Евангелия, написанные апостолами Матфеем, Марком и Лукой, и Иоанн утвердил их, как несомненную истину. Тогда начали просить его самого написать то, что он рассказывал им, и дополнить Евангелия. Иоанн после поста и молитвы приступил к написанию своего Евангелия. В нем он изложил умение о Божестве Спасителя и те Его слова, которые не были записаны в прочих Евангелиях, например, беседы с Никодимом, с Самарянкой, о таинстве причащения и прощальную беседу с учениками.

Евангелисты начинают свои повествования с первых дней земной жизни Иисуса Христа, но Иоанн начал с учения о Божественном происхождении Его, как Сына Божия, от Бога Отца. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», почему и назван он Богословом.

Кроме Евангелия и Апокалипсиса он написал три послания, главная мысль которых – учение о христианской любви. В последние годы своей жизни, будучи стар, святой апостол давал только одно наставление: «Дети, любите друг друга!» Ученики спросили его: «Почему ты повторяешь одно и то же?» Апостол отвечал: «Это самая необходимая заповедь. Если исполните ее, то исполните весь Христов закон».

Святой Евангелист Иоанн Богослов единственный из апостолов, кто умер естественной смертью, на 105 году жизни. Почувствовав приближение смерти, он велел приготовить для себя могилу, лег в нее и мирно скончался.

Протоиерей Иоанн Бухарев

Софья Снессорева **«Жено! Се сын Твой»**

Спаситель видел с Креста, какая скорбь пронзала сердце Его Матери. Одна в мире Она оставалась, но Матерью уже не того Иисуса, Который составлял предмет надежд всего Израиля, а Иисуса, отверженного и причтенного к злодеям. Он совершил искупление рода человеческого и, висая на Кресте, готов был запечатлеть искупительный подвиг смертью Своею, чем же мог утешить Матерь Свою Он, Сын, висевший на Кресте, терзаемый невыразимыми мучениями? Внезапно раздается голос с Креста, и Сын обращается к предстоящей Ему Богоматери, к участнице Его искупительных страданий. Он говорит Ей, указывая на Своего любимого ученика: «Жено! Се сын Твой». Он умирает и хочет оставить Матери Своей залог Божественной любви. У Него не было на земле сокровищ, не было места, где бы Он мог преклонить главу Свою, и даже гроб доставлен ему милосердием ученика; не мог Он завещать Матери Своей земных благ; но какие неизреченные сокровища вручает Он Ей в этих немногих словах! Он утверждает Ее матерью ученика Своего и указывает Ей обязанность любить его как сына, и в лице ученика поручает Ее любви все искупленное Его кровию человечество, Его жертвою усыновленное Богу!

«Се Мати твоя!» – продолжает Христос, обращаясь к ученику Своему и указывая на Пречистую Марию взглядом, последним, прощальным приветом Сына Матери. «Вот Матерь твоя! – как бы так говорил ученику Своему. – Я уйду из этого мира и оставляю тебе Матерь Свою: воздавай Ей благоговейное почитание, исполняй Ее волю, прибегай к Ней в скорбях, нуждах и печалях, призывай Ее на помощь во всех твоих немощах и тревогах; Она принесет тебе утешение, защиту и будет твоею заступницею».

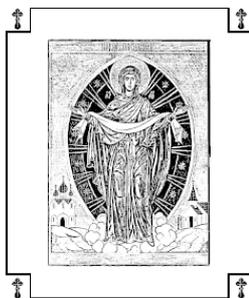
Ученик уразумел волю умирающего Спасителя. Он принял Богоматерь в дом свой, заботился о ней как сын и до самой Ее кончины не покидал Ее. В Иоанне Богослове подан человечеству образец, с каким благоговейным почитанием мы, люди, должны обращаться к Божией Матери, Которой в лице его Сам Спаситель как бы усыновил нас; как мы должны во всю жизнь не расставаться с Нею и во всех обстоятельствах жизни прибегать к Ней и к Ее заступничеству.

Из книги «Земная жизнь Пресвятой Богородицы»

Глава 6

Покров Пресвятой Богородицы

Омофор над всей землей

Глава 6.

ПОКРОВ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

(14 октября)

Покров

Под чтение пономарей,
Под звонкие напевы клироса
Юродивый узрел Андрей,
Как небо пламенем раскрылося.
А в пламени, как царский хор,
Блится воинство небесное,
И распростертый омофор
В руках Невесты Невестных.
Ударил колокольный звон
И клиры праздничными гласами, —
Выходит дьякон на амвон
Пред царскими иконостасами.
А дьякон тот – святой Роман,
Что «сладкопевцем» называется, —
Он видит чудо, не обман,
Что златом в небе расстилается.
Андрей бросается вперед
Навстречу воинству победному
И омофору, что дает
Покров богатому и бедному.

И чудом вещим поражен
Народ и причт, и царь с царицею,
И сонм благочестивых жен
Склонился долу вереницею.
«Даю вам, дети, свой покров:
Без пастыря – глухое стадо вы,
Но пастырь здесь – и нет оков,
Как дым, исчезнут козни адовы».
Горит звезда святых небес,
Мечи дрожат лучом пылающим, —
И лик божественный исчез,
Растаяв в куполе сияющем.
Край неба утром засерел,
Андрей поведал нищей братии,
Что в ночь протекшую он зрел
В святом соборе Халкопатрии.

Михаил Кузмин

Объяснение праздника

Много раз являлась Пресвятая Богородица отдельным великим святым, обычно в сопровождении одного или двух апостолов Христовых, а преподобному Серафиму Саровскому являлась и одна. Но никогда и никому не являлась Она в такой славе, как в константинопольском Влахернском храме, в этот великий праздник, именуемый Ее Покровом.

В храме было множество народа, и в его числе стояли блаженный Андрей, Христа ради юродивый, с учеником своим Епифанием.

Совершалось всенощное бдение. Народ горячо молился об избавлении от нашествия варваров, которые уже подошли к самому Константинополю.

Около четырех часов утра блаженный Андрей внезапно увидел под сводами храма стоящую на облаках Пресвятую Богородицу, окруженную сонмом Ангелов, апостолов, пророков, святителей и множеством великих святых.

Блаженный Андрей спросил Епифания: «Видишь ли ты Госпожу и Царицу Мира?» – «Вижу, отец мой духовный, и ужасаюсь», – ответил Епифаний.

На глазах их обоих Пресвятая Богородица сошла вниз, вошла в алтарь и долго молилась Богу, стоя на коленях пред престолом. Потом встала, вышла на амвон и, сняв с себя сиявшее небесным светом и блиставшее молниями большое покрывало, распростерла его над всем молящимся народом.

На этом внезапно окончилось чудесное видение Андрея и Епифания.

Утром всем стало известно, что на рассвете варвары сняли осаду Константинополя и ушли.

Святитель Лука (Войно-Ясевичский)

Иван Шмелев Покров

Отец ходит с Горкиным по садику и разговаривает про яблоньки. Редко, когда он говорит не про «дела», а про другое, веселое: а то все рощи да подряды, да сколько еще принанять народу, да «надо вот поехать», да «не мешайся ты тут со своими пустяками». И редко увидишь его дома. А тут, будто на гуляньи или когда ездил на богомолье с нами, – веселый, шутит, хлопает Горкина по спинке и радуется, какая антоновка-то нонче богатая. Горкин тоже рад, что отец душеньку отводит, яблочками занялся, и тоже хвалит антоновку: и червь не тронул, и цвет морозом не побил, а вон белый налив засох, от старости, пожалуй.

– Коль подсаживать, так уж онтоновку, Сергей Иваныч... – поокивает он ласково, – пяток бы еще корней, и яблока покупать не будем для моченья.

Я вспоминаю, что скоро радостное придет, «покров» какой-то, и будем мочить антоновку. «Покров»... – важный какой-то день, когда кончатся все «дела», землю снежком покроет, и – «крышка тогда, шабаш... отмаялся, в деревню гулять поеду», – говорил недавно Василь-Василия.

И все только и говорят: «Вот подойдет „покров“ – всему развяза». Я спрашивал Горкина, почему – «развяза». Говорит: «А вот, все дела развяжутся, вот и „покров“». И скорняк говорил намеренно: «После „покрова“ работу посвалю, всех на зиму покрою, тогда стану к вам приходиться посидеть вечерок, почитать с Панкратычем про священное». А еще отец говорил недавно:

– Хочу вот в Зоологическом саду публику удивить, чего никогда не видано... «Ледяной дом» запустим с бенгальскими огнями... вот, после «покрова», уж на досуге обдумаем.

Что за «Ледяной дом»? И Горкин про дом не знает – руками так, удивляется: «Чудит папашенька... чего уж надумает – не знаю». И я жду с нетерпением, когда же придет «покров». Сколько же дней осталось?..

– А ты вот так считай – и ждать тебе будет веселей, а по дням скушно будет отсчитывать... – объясняет Горкин. – Так вот прикидывай... На той неделе, значит, огурчики посолим, на Иван-Постного, в самый канун посолим... а там и Воздвиженье, Крест Животворящий выносят... – капустку будем рубить, либо чуток попозже... а за ней, тут же наскорях, и онтоновку мочить, под самый под «покров». До «покрова» три радости те будет. А там и зубы на полку, зима... будем с тобой снег сгребать, лопаточку тебе вытешу, мой Михайлов день подойдет, уж у нас с тобой свои посиделки будут. Будем про святых мучеников вычитывать, запалим в мастерской чугунок сосновыми чурбаками. И всего у нас запасено будет, ухитимся потепле, а над нами Владычица, Покровом своим укроет... под Ее Покровом и живем. И скажет Господу: «Господи, вот и зима пришла, все нароботались, напаслись... благослови их. Господи, отдохнуть, лютую зиму перебыть, Покров Мой над ними будет». Вот тебе и – Покров.

Так вот что это – Покров! Это – там, высоко, за звездами: там – Покров, всю землю покрывает, ограждает. Горкин и молитвы Покрову знает, говорит: «Сама Пречистая на большой высоте стоит, с Крестителем Господним и твоим Ангелом – Иван-Богословом, и со ангельскими воинствами, и держит над всей землей великий Покров-омофор, и освящается небо и земля, и все церкви засветятся, и люди возвеселятся».

А я – увижу? Нет: далеко, за звездами. А один святой человек видал, дадено ему было видеть и нам возвестить – в старинном то граде было, – чтобы не утрашались люди, а жили-радовались.

– Потому, милоч, и не страшно нам ничего, под таким-то Покровом. Нам с тобой не будет ничего страшно: роботай – знай – и живи, не бойся, заступа у нас великая.

Теперь, ложась спать, я молюсь Богородице Казанской – темная у нас икона в детской. Молюсь и шурюсь... Вижу лучики – лучики лампадки, будто это на небе звездочки, и там, высоко, за звездами, – сверкающий омофор-Покров. И мне ничего не страшно.

Если бы увидеть – там, высоко, за звездами?!

Вот и канун Ивана Постного – «усекновение Главы Предтечи и Крестителя Господня» – печальный день.

Завтра пост строгий: будем вкушать только грибной пирог, и грибной суп с подрумяненными ушками, и рисовые котлетки с грибной подливкой; а сладкого не будет, и круглого ничего не будет, «из уважения»: ни картошки, ни яблочка, ни арбуза, и даже нельзя орешков – напоминают «Главку». Горкин говорит, что и огурчика *лучше* не вкушать, одно к одному уж пусть. Но огурчики длинные!.. Бывают и вовсе круглые, «кругляки», а лучше совсем не надо. Потому, пожалуй, в канун огурцы и солят.

На нашем дворе всю неделю готовятся: парят кадки и кадочки, кипятят воду в чугунах для заливки посола, чтобы отстоялась и простыла; режут укроп и хрен, остропахучий эстрагон; готовят для отборного засола черносмородинный и дубовый лист для крепкости и духа – это веселая работа.

Выкатила кадушки скорнячиха; бараночник Муравлятников готовит целых четыре кадки; сапожник Сараев тоже большую кадку парит. А у нас – дым столбом, живое столпотворение. Как же можно: огурчика на целый год надо запастись, рабочего – то народу сколько! А рабочему человеку без огурчика уж никак нельзя: с огурчиком соленным и хлеба в охотку съешь, и поправиться когда нужно, опохмелиться – первое средство для оттяжки. Кадки у нас высокие: Василь-Василич на цыпочках поднимается – заглянуть; только Антон Кудрявый заглядывает прямо. Кадки дымят, как трубы: в них наливают кипяток, бросают докрасна раскаленные вязки чугунных плашек – и поднимается страшное шипенье, высокие клубы пара, как от костров. Накрывают рогожами и парят, чтобы выгнать застойный дух, плесени чтобы не было. Горкину приставляют лесенку, и он проверяет выпарку. Огурчики – дело строгое, требует чистоты.

Павел Ермолаич, огородник, пригнал огурца на семи возах: не огурец, а хряц. Пробуют всем двором: сладкие, и хрустят, как сахар. Слышно, как сочно хряпают: хряп и щелк. Ешь, не жалко. Откусят – и запустят выше дома. Горкин распоряжается:

– На чистые рогожи отбирай, робята!.. Бабочки, отмывай покрепше!..

Свободные от работы плотники, бабы из наших бань, кухарка Марьюшка, горничная Маша, Василь-Василич, особенно веселый, – радостной работой заняты. Плотники одобряют крупные, желтяки. Такие и Горкин уважает, и Василь-Василия, и старичок-лавочник Юрцов: пеняют даже Пал-Ермолаичу, что желтяков нонче маловато. А я зеленые больше уважаю, с пупырьками. Нет, говорят, как можно, настоящий огурчик – с семечками который, зрелый – куда сытней: хрипнешь – будто каша!

На розовых рогожах зеленые кучи огурца, пахнет зеленой свежестью. В долгом корыте моют. Корыто – не корыто, а долгая будто лодка с перевоза. В этом корыте будут рубить капусту. Ондрюш-ка, искусник, выбирает крупные желтяки, вываливает стамеской «мясо», манит меня идти за ним на погребницу, где темней, ставит в пустые огурцы огарки... – и что за чудесные фонарики! желто-зеленые, в разводах, – живые, сочные. Берет из песка свекольные бураки, выдалбливает стамеской, зажигает огарочки... – и что за невиданный никогда огонь! малиново-лиловый, живой, густой-густой и... бархатный!.. – вижу живым доселе. Доселе вижу, из дали лет, кирпичные своды, в инее, черные крынки с молоком, меловые кресты, Горкиным намеленные повсюду, – в неизъяснимом свете живых огоньков, малиновых... слышу прелестный запах сырости, талого льда в твориле, крепкого хрена и укропа, огуречной томящей свежести... – и слышу и вижу быть, такую покойную, родную, смоленную душою русской, хранимую святым Покровом.

А на солнце плещутся огурцы в корыте, весело так купаются. Ловкие бабьи руки отжимают, кидают в плоские круглые совки... – и валятся бойкие игрушки зеленые гулким и дробным стуком в жерла промытых кадок. Горкин стоит на лесенке, снимает картуз и крестится.

– Соль, робята!.. Чисты ли руки-те?.. Бережно разводи в ведерке, отвешено у меня по фунтикам... Не перекадь!.. Лей с Господом!..

Будто священное возглашает, в тишине. И что-то шепчет... какую же молитву? После доверил мне, помню ее доселе, молитву эту – «Над солию»: «Сам благослови и соль сию и приложи ю в жертву радования...»

Молитву над огурцами. Теперь я знаю душу молитвы этой: это же – «хлеб насущный»: «Благослови их, Господи, лютую зиму перебыть... Покров Мой над ними будет». Благословение и Покров – над всем.

Кадки наполнены, укрыты; опущены в погреб, на лед. Горкин хрустит огурчиком. Ласково говорит:

– Дал бы Господь отведать. К Филиповкам доспеют, попостимся с тобой огурчиком, а там уж и Рождество Христово, рукой подать.

Наелись досыта огурцов, икают. Стоит во дворе огуречный дух, попахивает укропом, хреном. Смоленные огурцы спят в кадках – тихая «жертва радования».

А вот и другая радость: капусту рубим!

После Воздвиженья принимаются парить кади под капусту. Горкин говорит: «Огурчики дело важное для скусу, а без капустки не проживешь, самая заправка наша рабочая». Опять на дворе дымятся кадки, столбами пар. Новенькие щиты для гнета блестят на солнце смолистой елкой. Сечки отчищены до блеска. Народу – хоть отгоняй. Пришли все плотники: какая теперь работа, Покров на носу – домой! Пришли землекопы и конопатчики, штукатуры и маляры, каменщики и кровельщики, даже Денис с Москва-реки. Горкин не любит непорядков, сердает на Дениса: «А ты зачем? На портомойке кто за тебя остался... Никола Угодник-батюшка?!» Денис, молодой солдат, с сережкой в ухе, – все говорят, красавец! – всегда зубастый, за словом в карман не лезет, сегодня совсем тихий, будто даже застенчивый: в глаза не глядит, совсем овечка. Горничная Маша, крестница Горкина, смеется: «Капустки Денису зажелалось... Пусть пожует, малость оттянет, может!» Все смеются, а Денис и не огрызнется, как бывало. Мне его что-то жалко, я про него все знаю, наслушался. Денис выпивает с горя, что Маша выходит за конторщика... А потому Маша выходит за конторщика, что Денис пьяница... Что-то давно выходит, а все не выйдет, а в водополе – при нас это было с Горкиным – принесла Денису пирог с морковью, в украбочку, сунула без него и убежала: «это за пескарей ему». Ничего не понять, чего такое. И все-то знают, для какой капусты пришел Денис.

– Я, Михал Панкратыч, буду за троих, дозволяйте... А на портомойке Василь-Василии Ондрейку оставил без меня, дозволил... уж и вы дозволяйте.

Совсем – овечка. Горкин трясет бородкой: ладно, оставайся, руби капусту. И Горкину нравится Денис: золотые руки, на все гожий, только вот пьяница. А потому пьяница, что...

– Их не поймешь... как журавль с цаплей сватаются, вприглядку!

Двадцать возов капусты, весь двор завален: бело-зеленая гора – рубить не перерубить. Василь-Василич заправляет одним корытом, другим – я с Горкиным. Корыта из толстых досок, огромные, десять сечек с каждого боку рубят, весело слушать туканье – как пляшут. В том корыте серую капусту рубят, а в нашем – белую. Туда отбирают кочни позеленей, сдают зеленые листья с нашей, а в наше корыто кидают беленькую, «молочную». Называют – «хозяйское корыто». Я шепчу Горкину: «А им почему зеленую?» Он ухмыляется на меня:

– Знаю, чего ты думаешь... Обиды тут нет, косатик. Ваша послаще будет, а мы покрепчей любим, с горчинкой, куда вкусней... и как заквасится, у ней и дух пронзей... самая знаменитая капуста наша, серячок-то.

Все надо по порядку. Сперва обсекают «сочень», валят в корыто кочни, а самое «сердечко» в корыто не бросают, в артель идет. Когда ссекают – будто сочно распарывают что-то совсем живое. Как наполнится полкорыта, Горкин крестится и велит:

– С Богом... зачинай, робятки!

Начинается сочное шипенье, будто по снегу рубят, – такжвакает. А потом – туп-туп-туп... тупы-туки... тупы-туки... – двадцать да двадцать сечек! Молча: нельзя запеть. И Горкин не запретил бы пригодную какую песню – любит работу с песнями, – да только нельзя запеть, «духу не выдержать». Денис – сильный, и он не может. Глупая Маша шутит: «Спой ты хоть про капусту, в кармане, мол, пусто!..» А Денис ей: «А ты косила?» – «Ну, косила, ложкой в рот носила!» Совсем непонятный разговор. «А что тебе, косила, тебя не спросила!» – «А вот то, знала бы: что косить – что капусту рубить, – не спеть». А она все свое: «Пьют только под капусту!» Горкин даже остановил: «Чисто ты червь капустный, тебя не оберешь».

– Годи, робята...

Горкин черпает из корыта, трясет в горсти: мелко, ровно, капустинка-то к капустнике. Опять начинают сечку, хряпают звонко кочерыжки. Горкин мне выбирает самые кончики от хряпки: надавишь зубом – так и отскочит звонко, как сахарок. Приятно смотреть, как хряпают. У молодых, у Маши, у Дениса – зубы белые-белые, как кочерыжки, и будто прикусывают сахар, будто и зубы у них из кочерыжки. Редиской пахнет. Швыряются кочерыжками – обьелись. Веселая капуста эта! Ссыпают в кадки, перестилают солью. Горкин молитву шепчет... – про «жертву радования»?..

В канун Покрова, после обеда, – самая большая радость, третья: мочат антоновку.

Погода разгулялась, большое солнце. В столовую, на паркет, молодцы-плотники, в родовых рубахах, чистые, русые, ясноглазые, пахнущие березой банной, втаскивают огромный рогожный тюк с выпирающей из него соломой, и сразу слышно, как сладко запахло яблоком. Ляжешь на тюк – и дышишь: яблочными садами пахнет, деревней, волей. Не дождешься, когда распорют. Порется туго, глухо – и вот, пучится из тюка солома, кругло в ней что-то золотится... и катится по паркету яблоко, большое, золотое, цвета подсолнечного масла... пахнет как будто маслом, будто и апельсином пахнет, и маслится. Тычешься головой в солому, запустишь руки, и возьмется под руками яблоки. И все запускают руки, все хотят выбрать крупное самое – «царя». Вся комната в соломе; под стульями, под диваном, под буфетом – везде закатились яблоки. И кажется, что они живые, смотрят и улыбаются. Комната совсем другая, яблочная. Вытираем каждое яблоко холстинным полотенцем, оглядываем, поминки нет ли, родимые ямки-завитушки заливаем топленным воском. Тут же стоят кадушки, свежие-белые, из липки. Овсяная солома, пареная, душистая, укладывается на дно кадушки, на нее – чтобы бочками не касались – кладутся золотистые антоновки, и опять, по рядку, солома, и опять яблоки... – и заливается теплой водой на солоде.

На «яблоках» все домашние: даже и отец радуется с нами, и матушка на креслах... – ей запрещают нагибаться: она ходит тихо и тяжело, «вынашивает», и ее все остерегают, даже Маша: «Вам, барыня, нельзя, я вам достану яблочко». Кругом кресел все мы ее обсели: и Сонечка, и Маня, и брат Коля, и старая кривая Васса, которая живет в темненькой и не отличит яблока от соломы, и Горкин с Марьюшкой. Маша все ужасается на яблоки и вскрикивает, как будто испугалась: «Да барыня... какое!..» Сонечка дает ей большое яблоко и говорит: «А ну, откуси, Маша... очень ты хорошо, послушаем». Маша на яблоко смеется, закусывает крепко-звонко белыми-белыми зубами, сочными, как миндаль, и так это хорошо выходит – хру-хру... хру-хру, чмокается во рту, и видно, как сок по губам сочится. И все начинаем хрупать, но Маша хрупает *лучше* всех. Я сую ей украдкой яблоко, самое-самое большое, ищу карман. Она перехватывает мою руку и шурит глаз, хитро-умильно шурит. Так мне нравится на нее смотреть, что я сую ей украдкой другое яблоко. А на всех нас, на яблоки, на солому, на этот «сад», вытянув головку, засматривает из клетки затихший чего-то соловей – может быть,

хочет яблочка. И на всю эту радость нашу взирает за голубой лампадкой старинная икона Владычицы Казанской едва различимым Ликом.

Плотники поднимают отяжелевшие кадушки, выносят бережно. Убирают солому, подметаю.

Многие дни будут ходить по дому яблочные духи. И с какой же радостью я найду закатившееся под шкаф, ставшее духовитее и слаже антоновское «счастье»!..

Вот и Покров пришел, праздник Владычицы Пречистой – во всю землю Ее Покров. И теперь ничего не страшно. Все у нас запасено, зима идет, а мы ухитимся потеплей, а над нами Владычица – там, высоко, за звездами.

Я просыпаюсь рано, – какой-то шум?.. Будто загромыхали ванной? Маша просовывает в дверь голову, неубранную, в косах. Подбегает к моей постельке, тычется головой в подушку, кусает меня за щечку и говорит в улыбке:

– Ду-сик... глазастьенький, разунь глазки... маменька Катюшу подарила нонче ночью! Вчерась яблочко кушала, а вот и Катюша нам!..

Щекочет у моего носа кончиком косы, и весело так смеется, и все называет – «ду-сик». Отмахивает розовую занавеску – и вот солнце! Праздничное, Покров.

В столовой накрыто парадно к чаю. Отец – парадный, надушенный, разламывает горячий калач над чаем, намазывает икрой, весело смотрит на меня.

– Маленькая Катюша... – говорит он особенно, прищурясь, и показывает головой на спальню. – Теперь, мальчонка, у нас пяток! Рад сестренке?..

Я бросаюсь к нему, охватываю его руками и слышу, как пахнет икрой чудесно, и калачом, и самоварным паром, и бульканьем, и любимыми, милыми духами – флердоранжем.

– Вот тебе от Катюши нашей... розовая обновочка!..

И только теперь я вижу – новые розовые чашки, розовый чайник с золотым носиком, розовую полоскательную чашку, розовую, в цветочках, сахарницу... – и все в цветочках, в бело-зеленых флердоранжах! Все такое чудесно-розовое, «Катюшино»... совсем другое, что было раньше. Чашеки не простые – совсем другие: уже и уже кверху. «Чтобы не расплескалось», – весело говорит папашенька: – Так и зови – „катюшки“».

И вдруг, слышу: за дверью спальни – такое незнакомое, смешное... – «у-а-а... у-а-а...».

– Новый-то соловей... а? Не покупной соловей, а свой! – весело говорит отец. – А самое главное... мамашенька здорова. Будешь молиться – Катюшеньку прибавляй, сестренку.

И намазывает мне икрой калачик.

Большое солнце, распелись канарейки, и в этом трескучем ливне я различаю новую теперь, нашу, песенку – «у-а-а... у-а-а-а...». Какой у нас свет, какая у нас радость!.. Под самый Покров Владычицы.

Разъехались плотники по домам, в деревню, зиму перебивать. И у них запасено на зиму. Ухитятся потеплее, избы закутают соломой – и над ними Покров Ее, и теперь ничего не страшно. И Василь-Василич отмаялся, укатил в деревню на недельку: нельзя, Покров. Горя с народом принял: каждого тоже рассчитать, все гривеннички помнить, что забрали за полгода работы, никого чтобы не обидеть, не утеснить: ни отец этого не любит, ни Горкин. Намалялся-таки, сердешный, целую неделю с утра до ночи сидел в мастерской за столиком, ерошил свои вихры, постреливал косым глазом и бранился: «А, такие... спутали вы меня!..» Народу до двухсот душ, а у него только каракульки на книжке, кружочки, елочки, хвостики... – как уж разбирается – не понять. Всем вот давал вперед, а теперь и сам тот не разберет! Горкин морщится, Василь-Василия все – тот да тот. Ну, теперь всем развяза: пришел Покров. И земле ухититься тоже надо: мороз ударит. Благослови ее, Господи, отдохнуть, лютую зиму перебить. Покров и над нею будет.

А у Горкина новая шуба будет: «Земной покров». Отец подарил ему старую свою, хорьковую, а себе заведет новинку, «Катюшкину». Скорняк уже перебрал, подпустил парочку хоря, и

теперь заправская будет шуба – прямо купец с Рядов. И мне тоже «Земной покров»: перетряхнули мой армячок бараний, подправили зайчиком в рукава – катай с горки с утра до вечера, морозу не добраться. И – очень порадовался Горкин: с канителью развяза наступила. Дениса не узнаешь: таким-то шеголем ходит, в запашной шубе, совсем молодчик – вчера показывал. Сватанье-огрызанье кончилось: сосватались, слава Богу, с Машей, свадьба на Красной Горке, нельзя раньше – приданое готовить надо, и по дому много дела: теперь Катюшка, а мамашенька привыкла к Маше, просила побыть до Пасхи.

– Дениса старшим приказчиком берет папашенька, Василичу правая рука. Вот и Маша покроется... как хорошо-то, косатик, а?..

Да, хорошо... Покров. Там, высоко, за звездами. Видно в ночном окне, как мерцают они сияньем за голыми прутьями тополей. Всегда такие. Горкин говорит, что такие и будут во все века. И ничего не страшно.

Я смотрю на лампадку, за лампадку... в окно, на звезды, за звездами. Если бы все увидеть, как кто-то видел в старинном граде!.. Стараюсь вспомнить, как Горкин учил меня вытвердить молитву, новую. Покрову... длинную, трудную молитву. Нет, не помню... только короткое словечко помню: «О великое заступление печальным... еси...».

Глава 7

Казанская икона Божией Матери

Дарование победы

Глава 7.

КАЗАНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

(4 ноября, 21 июля)

Три свечи

(Народное поверье)

Как в пресветлой небесной горнице
Пред иконою Богородицы
Три свечи дни и ночи теплятся,
Три огня на ризах колеблются.

И одна свеча – воску белого,
За страдания света целого.
За измученных и обиженных,
Обездоленных и униженных!

А вторая желтого, ярого —
Та за труженика усталого,
За работника и отшельника,
И за пахаря, и за мельника!

Всех светлей горит свеча красная,
Неоплывная, неугасная, —
За воюющих, побеждающих,
За Святую Русь погибающих!

Высока небесная горница,
Души чистые в ней находятся;
Крепко молятся души чистые,
Три свечи сияют лучистые.

Крепко молятся небожители,
Всех сильней мольбы за воителей,
Неоплывная, неугасная
Ярко светит свеча красная!

Георгий Иванов

Объяснение праздника

Наши предки, русские люди, любили Богоматерь и питали особенную, глубокую веру в небесное предстательство Ее о роде христианском и всегда обращались к Ней с усердной молитвой в своих скорбях и бедствиях. Хотя целые страны считали Пресвятую Деву своей покровительницей и чтили Ее, но в нашем Отечестве имя Матери Божией было окружено особым почитанием – неизмеримо большим, нежели где бы то ни было еще, и Богоматерь ни на какую другую землю не излила столько Своей благодати и милости, сколько на Землю Русскую. Практически во всяком русском городе непременно есть источник благодати Богоматери – Ее чудотворные иконы, в которых восхотела Она дать людям небесный залог Своей любви и послужить утешением для страждущего человечества. Народ наш любил называть Богоматерь особыми именами, приличествующими Ее небесному покровительству и милосердию, и Матерь Божия не оставляла тщетной его веру, но подавала скорую помощь каждому просящему и Отечеству нашему в целом.

Особенно памятно избавление нашей земли милостью Божией Матери от владычества поляков в 1612 году. В ту скорбную пору, когда царский род на Руси совсем было пресекался, в нашем Отечестве стали происходить беспорядки, которые и привели к полному безначалию. Этим поспешили воспользоваться поляки: они захватили Москву и с ней – до половины царства русского. Опасаясь так навсегда и остаться под властью ига польского, русские люди встали на защиту своего Отчества, возложив при том упование на Небесную Заступницу, к Которой и обратились с горячей мольбой о помощи в борьбе против врага. Войска взяли с собой икону Божией Матери, именуемую Казанскую, и, предводительствуемые Ею, приблизились к Москве. Был объявлен пост, весь народ и воины три дня постились и горячо молились пред чудотворной иконой Царицы Небесной о даровании им победы. И Пренепорочная Владычица услышала молитву их и Своим предстательством испросила у милостивого Сына и Господа Своего помощь и одоление на врагов русским людям. Явившийся ночью в сонном видении томившемуся в заточении у поляков греческому архиепископу Арсению преподобный Сергей Радонежский сказал Владыке, что Господь по молитвам Матери Своей и святителей московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа на следующий же день низложит захватчиков и первопрестольный град российский возвратит в руки русских людей.

Ободренные этим известием воины наши 22 октября с Казанской иконой Божией Матери без особого труда взяли Москву и освободили Отечество от иноплеменников. Таким образом, и страна, и Церковь были избавлены от иноземного порабощения. Благоговея пред Небесною Помощницей, благодарное воинство и все граждане столицы в следующий же воскресный день совершили молебное пение ко Пресвятой Богородице, спасшей русское государство. Крестным ходом, неся Казанскую икону, прошли они до самого Лобного места, причем в воротах Кремля

встретил их святитель Арсений с другой святыней – сохраненным им в плену чудотворным Владимирским образом Богоматери. А чтобы память спасительного заступления Пресвятой Богородицы за Отечество наше не ослабела от времени, вскоре единодушно положено было совершать ежегодно торжественное воспоминание о чуде Ее в настоящий день, 22 октября².

Архимандрит Кирилл (Павлов).

Слово в день празднования Казанской иконы Божией Матери

² Ст. ст. – Примеч. ред.

Евгений Поселянин

Казанская икона

22 октября³ отмечается праздник Казанской *Lj w* иконы Богоматери в честь избавления Москвы и всей России от поляков в 1612 году. Это было очень тяжелой порой в истории нашего отечества. Когда с престола российского в 1606 году свергнут был последний отпрыск фамилии Рюриковичей – Василий Иванович Шуйский, на Руси прекратился царский род. Наступило время междоусобицы, сопровождавшееся смутой, грабежами и всякой неправдой.

В низовьях Волги, в Астрахани, объявился самозванец, выдававший себя за убиенного в Угличе царевича Димитрия. На свою сторону он привлек много казаков и большие толпы темного, доверчивого народа. К довершению постигших Русь бедствий древняя наша столица Москва вероломно была захвачена поляками, покорившими много и других русских городов. Шведы угрожали нашему отечеству с севера и взяли уже Новгород. И поляки, и шведы хотели окончательно водвориться на святой Руси и даже поставить в правители русского народа своего царя.

Смута была так велика, и повсюду царило такое безначалие, что уже большинство русских людей, жаждавших прекращения междоусобиц и кровопролития, согласилось на поставление в правители польского королевича Владислава. Но верные сыны своей Родины и Церкви вознегодовали на небывалое в жизни нашего отечества явление, чтобы чужеземец и иноверец повелевал православным русским народом. Дружно тогда ополчился русский народ и грудью встал на защиту и освобождение первопрестольной столицы и отечества.

К Москве стали двигаться со всех сторон нашей обширной родины полки и вольные дружины. В числе других ополчений прибыла из Казани рать, собранная князем Пожарским. Это храброе воинство сильно было и верой. Ополчение привезло и принадлежавший князю список с чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

С великим упованием на заступничество Царицы Небесной устремились русские полки на врагов, и Владычица не оставила верных почитателей Своих. Ратники отняли у врагов занятый ими Новодевичий монастырь и взяли множество неприятелей в плен. Хотя враги и испытывали неоднократные поражения, наносимые русскими войсками, но окончательного спасения Руси от иноземцев еще не последовало.

За успехами русских войск пошли раздоры отдельных начальников нашей рати. Казаки и другие ратники ополчения начали пьянствовать, чинить грабежи и насилия над окрестными жителями.

Зимой 1611 года Казанская икона Богоматери из Москвы снова была отправлена в Казань. На пути, в Ярославле, честный образ встретило нижегородское ополчение, созванное Мининым и состоявшее под командой князя Пожарского. Воинство, узнав о чудесах, проявленных в Москве заступлением Богоматери, взяло икону с собой и постоянно держало ее у себя в лагере. Молитвы к Царице Небесной о спасении нашего отечества были услышаны Пречистой Девой. И Богоматерь простерла Свой милостивый Покров над Русской землей.

Множество препятствий пришлось встретить прибывшему в Москву нижегородскому воинству. Надлежало взять хорошо укрепленный и упорно защищаемый поляками город, отразить прибывшее к Москве свежее многочисленное польское войско и усмирить буйство русских отрядов. Тягота положения усилилась еще и от того, что разоренные местности не могли доставлять продовольствия для русского воинства. Все это возбудило в маловерных сердцах

³ Ст. ст. – Примеч. ред.

упадок мужества. Очень многие из преданных сынов отечества, отчаявшись в спасении его человеческой силой, восклицали в глубокой печали:

– Прости, свобода отечества! Прости, Кремль священный! Мы все сделали для твоего освобождения, но, видно, Богу не угодно благословить наше оружие победой!

В таком горестном положении оставалась только одна надежда – на помощь свыше. Весь народ и войска с умилением сердечным начали воссылать горячие молитвы Пресвятой Богородице, прося милостивого Ее предстательства перед Престолом Сына Своего. Для усугубления молитвенных обращений, кроме отслуженного торжественного молебна, все решили соблюсти строгий трехдневный пост. Господь услышал скорбный вопль верных рабов Своих и явил Свою милость к нашей Церкви и отечеству.

В Московском кремле в плену у поляков томился прибывший в Россию с греческим митрополитом Иеремией архиепископ Арсений Елассонский. Архипастырь от тяготы плена впал в болезнь. В это время его темничная келья исполнилась необычайного света, и Арсений в сиянии его узрел преподобного Сергия Радонежского, который объявил, что по молитвам святителей земли русской Петра, Алексия, Ионы и Филиппа Господь дарует избавление русскому народу. При этом преподобный Сергий возвестил, что в следующий же день сыны России поразят надменных и богохульных врагов. Для уверения в истинности своих слов преподобный даровал Арсению исцеление от его тяжкого недуга.

Русские услышали радостную весть избавления, и сердца воинов исполнились неустрашимой отвагой и мужеством. Они сделали решительный приступ к Кремлю и 22 октября 1612 года победили врагов. Устрашенные поляки в трепете бежали из-под Москвы.

В первый же воскресный день русское воинство и все граждане столицы совершили торжественный крестный ход на Лобное место с чудотворной Казанской иконой Богородицы. Церковную процессию в воротах Кремля встретил архиепископ Арсений, который вышел вместе с сохраненной им в плену чудотворной Владимирской иконой Богородицы.

В память столь чудесного заступничества Владычицы русский царь Михаил Феодорович, избранный на престол в том же 1612 году, установил по благословению своего отца, митрополита Филарета, ежегодно праздновать память Казанской иконы Богородицы два раза: в день обретения ее – 8 июля⁴ и в день избавления Москвы от поляков – 22 октября⁵. При этом учреждены были в Москве два крестных хода из Успенского собора в Введенскую церковь, где князь Пожарский поставил точный список с чудотворной Казанской иконы, украшенный драгоценностями.

Но до 1649 года праздник в честь Казанской иконы был совершаем, кроме Казани, только в Москве. В этом же году царь Алексей Михайлович установил праздновать день 22 октября по всей России.

⁴ Ст. ст. – *Примеч. ред.*

⁵ Ст. ст. – *Примеч. ред.*

Глава 8

Святой великомученик Димитрий Солунский

Родительская суббота

Глава 8.

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК ДИМИТРИЙ СОЛУНСКИЙ

(8 ноября)

* * *

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути – горячий белый камень.
За рекой – поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я – не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннюю обедней
Мила друга, светлая жена!

Александр Блок

Объяснение праздника

Великомученик Димитрий Солунский был сыном начальника города Солуни, или Фессалоник. Родители его тайно веровали во Христа и молились о даровании сына. Сын родился, они и его *научили* вере и тайно крестили. После смерти отца император Максимиан сделал Димитрия проконсулом солунским и приказал очистить город от христиан. Святой же вместо этого начал сам открыто исповедовать Христа и *учить* всех вере в Него. Узнал об этом император и, приехав в Солунь, призвал Димитрия к себе. Святой Димитрий уже приготовился к смерти постом, молитвой и раздачей имения бедным. Представ перед императором, он обличил его в нечестии и был заключен в темницу. Здесь святой видел ангела, который показал приготовленный ему мученический венец. Из темницы он благословил молодого христианина Нестора, который, видя, как царский боец Лий убивал христиан на любимых царем побоищах, бросая их с высоты на острые копья, решился выйти против этого бойца. Димитрий, благословив Нестора, сказал ему: «Ты победишь Лия, но будешь замучен». Так и случилось. Нестор, призвав имя Христово, победил Лия и бросил его на острые копья, и сам был казнен. Царь, узнав, что святой Димитрий благословил Нестора, воспылал гневом и осудил и его на такую же смерть, какой умер любимый его боец. Воины копьями закололи его, молящегося в темнице, в 306 году. Над гробом святого Димитрия был построен храм, и здесь совершались многие чудеса. При перестройке церкви мощи святого Димитрия были обретены нетленными, источавшими миро, почему он и называется Мироточивым. Часть главы и мира от мощей святого Димитрия хранится на Афоне, в Ватопедском монастыре. Также есть часть мощей там же в Покровском соборе Пантелеймонова монастыря в Ксенофском монастыре и других местах.

(Суббота перед празднованием памяти святого великомученика Димитрия Солунского называется Димитриевской родительской субботой, в этот день Православная Церковь совершает всеобщее поминовение усопших. – *Ред.*)

Протоиерей Григорий Дьяченко

Н

Рассказ афонского монаха (*притча*)

Была родительская суббота, кончилась литургия.

Одни из присутствующих уже выходили из церкви, а другие остались и стали подходить к общему кануну (стоящему, по обыкновению, посреди церкви).

Я же стоял на клиросе. Вышли из алтаря священники диакон. Священник провозгласил: «Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Диакон зажег свечи и стал раздавать присутствующим. И в это время я увидел, что много народа стало входить в дверь храма с улицы, а затем проникать сквозь стены и окна. Храм наполнялся множеством прозрачных теней. В этой массе я увидел женщин, мужчин и детей. Определил я по внешнему виду священников, императоров, епископов и между ними простого чернорабочего, дряхлого солдата-поселянина, бедную женщину и нищих вообще.

После возгласа священника они бесшумно, но чрезвычайно быстро заполнили весь храм, становясь тесно друг с другом. Все они как будто стремились к кануну, но почему-то не могли подойти к нему. Я не мог оторвать глаз от этой удивительной картины.

Наконец их набралось так много, что реальные молящиеся казались мне фигурами, ярко нарисованными на фоне этих удивительных теней. Они (тени), подходя в безмолвии, становились у священного алтаря. Некоторые из них как будто преклоняли колени, другие нагибали головы, точно ожидая произнесения приговора. Дети протягивали руки к свечам, горящим на кануне, и к рукам молящихся живых.

Но вот диакон вынул записки и начал читать написанные на них имена. Удивлению моему не было конца, когда я заметил, что порывистым, радостным движением выделялась то одна, то другая фигура. Они подходили к тем, кто помянул их, становились рядом, глядели на них глазами, полными любви, радостного умиротворения. Мне даже казалось, что в руках духов появилась какая-то духовная горящая свеча, и они сами, молясь вместе с молящимися за них, сияли необыкновенно радостными лучами.

По мере того как прочитывалось каждое имя, из толпы безмолвных теней все более выделялось радостных фигур. Они бесшумно шли и сливались с живыми молящимися. Наконец, когда записки были прочитаны, осталось много неназванных – грустных, с поникшей долу головой, как будто пришедших на какой-то общий праздник, но забытых теми, кто бы мог пригласить их на это великое для них торжество. Некоторые из душ тревожно посматривали на дверь, словно ожидая, что, быть может, придет еще близкий им человек и вызовет их в свою очередь.

Но нет, новые лица не появлялись, и неназванным оставалось только радоваться радостью тех, которых призвали пришедшие для единения с ними.

Я стал наблюдать за общей группой молящихся, которая как бы смешалась с дрожащими в светлых лучах призраками из потустороннего мира, и увидел еще более чудную картину.

В то время, когда произносились слова «Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим» или слова «Сам, Господи, упокой души усопших раб Твоих», видно было, как лица живых озарялись одинаковым светом с лицами отошедших, как сердца сливались в одно общее сердце, как слезы не уныния, а радости текли из глаз тех, кто носил телесную оболочку, и в то же время какой горячей любовью, беспредельной преданностью горели глаза помянутых.

При облаке дыма благовонного кадила, при струях дыма от горящих свечей раздался дивный молитвенный призыв: «Со святыми упокой...», и я увидел, что вся церковь как один

человек стала на колени, и души, имена которых были помянуты, молились и за присутствующих, и за себя, а те, о которых забыли, молились лишь за себя.

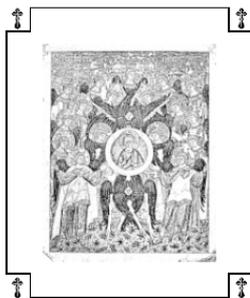
Когда окончилось молитвенное песнопение, затухли свечи и священник прочитал последний возглас, а диакон закончил общим поминовением отошедших, стоящие передо мной тени стали исчезать и оставались только люди, пожелавшие отслужить еще частную панихиду за своих усопших. Тогда я увидел на лицах такой покой, такое удовлетворение, такое обновление, которое не в силах передать.

Велик, свят и отраден для усопших обряд поминовения Православной Церковью. И как грустно бывает тем, кого предают забвению, лишая их не только радости видеть себя незабытыми, но и замедляя тем их духовное обновление и прощение их согрешений у Господа как во время панихиды, так тем более во время Литургии. Потому что с каждым разом, когда священник вынимает частицы за упокой души, души эти получают милость, приближаясь к Царствию Божию.

Глава 9

Собор архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных

Михайлов день

Глава 9.

СОБОР АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА И ПРОЧИХ НЕБЕСНЫХ СИЛ БЕСПЛОТНЫХ

(21 ноября)

Архангел Михаил (отрывок)

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял на клубях синеватых
И дивно глядел на меня...

Иван Бунин

Объяснение праздника

День Собора святого архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных – главный из праздников в честь святых ангелов. Ангелы – это святые духи, то есть существа бестелесные. Они сотворены Богом прежде видимого мира и человека; сотворены для того, чтобы прославлять Бога и служить Ему, а кроме того – служить на земле людям, помогая им достигнуть вечного спасения. Святые духи эти называются ангелами, что в переводе с греческого значит «вестники», потому что Бог посылает их возвещать волю Свою людям. Например, архангел Гавриил был послан возвестить Пресвятой Деве Марии рождение Спасителя. Каждый человек

со дня крещения имеет при себе ангела-хранителя, который сохраняет его душу от грехов, а тело от болезней и смерти. Святой архистратиг Михаил – начальник и вождь святых ангелов, что и значит в переводе с греческого слово «архистратиг». По преданию, сатана, некогда светлейший из всех духов небесных и потому названный Люцифером, то есть самым светоносным, возгордился и таким образом пал с высоты архангельской власти, сверженный с неба в адское обиталище. Тогда святой архангел Михаил, как верный служитель Божий, собрал ангелов, не увлекшихся пагубным примером сатаны, для неизменного служения Богу, своему Творцу.

Ангелы – ближайшие слуги Божии и наши помощники в деле спасения, поэтому наш долг почитать их. Потому-то и установлен праздник Собора святого архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных. По учению святого Дионисия Ареопагита, существуют девять ангельских чинов: серафимы, херувимы, престолы, господства, силы, власти, начала, архангелы и ангелы.

Протоиерей Иоанн Бухарев

Иван Шмелев Михайлов день

Я давно считаю – с самого Покрова, когда давали расчет рабочим, уходившим в деревню на зиму, – сколько до Михайлова дня осталось: Горкина именины будут. По-разному все выходит, все много остается. Горкин сердится на меня, надоели ему мои допросы:

– Ну чего ты такой нетерпеливый... когда да когда? Все в свое время будет.

Все-таки пожалел, выстрогал мне еловую досточку и велел на ней херить гвоздиком нарезки, как буду спать ложиться: «Все веселей тебе будет ждать». Два денька только остается: две метинки осталось.

На дворе самая темная пора: только пообедал, а уж и ночь. И гулять-то невесело – грязь, дождик, – не к чему руки приложить. Большая лужа так разлилась, хоть барки по ней гоняй: под самый курятник подошла, курам уж сделали мосточки, а то ни в курятник, ни из курятника: уже петух внимание обратил, Марьюшку криком донял – «Что же это за непорядки!..» – разобрали по голоску. Аут-ки так прямо и всплывают в садок-сарайчик, полное им приволье.

В садике пусто, голо, деревья плачут; последнюю рябину еще до Казанской сняли, морозцем уж хватило, и теперь только на макушке черные кисточки, для галок. Горкин говорит:

– Самый теперь грязник, ни на санях, ни на колесах, до самых моих именин... Михайла-Архангел всегда ко мне по снежку приходит.

В деревне теперь веселье: свадьбы играют, бражку варят. Вот Василь-Василия и поехал отгуливать. Мы с Горкиным все коньки в амбаре осмотрели, три ящика, салычем смазали подреза и ремешки: морозы скоро, каток в Зоологическом саду откроем, под веселыми флагами, переглядели и салазки: скоро будет катанье с гор. Воротится Василь-Василич – горы осматривать поедем... Не успеешь и оглянуться – Николин День, только бы укатать снежком, под морозы залить поспеть.

Отец уже ездил в Зоологический сад, распорядился. Говорит, – на пруду еще «сало» только, а пора и «Ледяной дом» строить... как запоздало-то! Что за «Ледяной дом»? Сколько же всего будет... зима бы только скорей пришла. У меня уж готовы саночки, и Ондрейка справил мне новую лопаточку. Я кладу ее спать с собой оглаживаю ее, нюхаю и целую: пахнет она живой елкой, радостным-новым чем-то – снежком, зимой. Вижу во сне сугробы, снегом весь двор завален... копаю, и... лопаточка вдруг пропала, в снегу утопла!.. Проснешься – ах, вот она! теплая, шелковая, как тельце. Еще темно на дворе, только затапливают печи... вскакиваю, бегу босиком к окошку: а, все та же мокрая грязь чернеет. А, пожалуй, и хорошо, что мокро:

Горкин говорит, что зима не приходит посуху, а всегда на грязи становится. И он все никак не дождетя именин, я чувствую: самый это великий день, сам Михайла-Архангел к нему приходит.

Мастерскую выбелили заново, стекла промыли с мелом; между рамами насыпаны для тепла опилки, прикрыты ваткой, а по ватке разложены шерстинки – зеленые, голубые, красные, – и розочки с кондитерских пирогов, из сахара. Полы хорошо пройдены рубанком – надо почистить, день такой: порадовать надо Ангела.

Только денек остался. Воротился Василь-Василия, привез гостинчиков. Такой веселый – с бражки да с толокна. Вез мне живую белку, да дорогой собаки вырвали. Отцу – рябчиков вологодских, не ягод-ничков, а с «почки» да с можжухи, с горьковинкой, – в Охотном и не найти таких. Михал Панкратычу мешочек толоконца, с кваском хлебать – Горкин любит – и белых грибов сушеных-духовитых. Мне ростовский кубарь и клюквы, и еще аржаных лепешек с соломинками – сразу я сильный стану. Говорит: «Сороку нас там!.. – к большим снегам,

лютая зима будет». Всех нас порадовал. Горкин сказал: «Без тебя и именины не в именины». В деревне и хорошо, понятно, а по московским калачам соскучишься.

Панкратыч уже прибирает свою каморку. Народ разъехался, в мастерской свободно. Соберутся гости, пожелают поглядеть святыньки. А святынек у Горкина очень много.

Весь угол его каморки уставлен образами, до-древними. Черная – Казанская – отказала ему прабабушка Устинья; еще – Богородица-Скорбящая – литая на ней риза, а на затылке печать припечатана – под арестом была Владычица, раскольницкая Она, верный человек Горкину доставил из-под печатей. Ему триста рублей давали староверы, а он не отдал: «На церкву отказать – откажу, – сказал, – а Божьим Милосердием торговать не могу». И еще – «темная Богородица», лика не разобрать, которую он нашел, когда на Пресне ломали старинный дом: с третьего яруса с ней упал, с балками рухнул, а опустило безо вреда, ни царапины! Еще – Спаситель, тоже очень старинный, «Спас» зовется. И еще – «Собор Архистратига Михаила и прочих Сил Бесплотных», в серебряной литой ризе, додревних лет. Все образа почищены, лампадки на новых лентах, а подлампадки с херувимчиками старинного литья, 84-ой пробы. Под Ангела шелковый голубой подзор подвесил, в золотых крестиках, от Троицы, – только на именины вешает. Справа от Ангела – медный надгробный Крест: это который нашел в земле на какой-то стройке; на старом гробу лежал – таких уж теперь не отливают. По кончине откажет мне. Крест до того старинный, что мел его не берет, кирпичом его надо чистить и бузиной: прямо как золотой сияет. Подвешивает еще на стенку двух серебряных... как они называются?.. не херувимы, а... серебряные святыне птички, а головки – как девочки, и над головками даже крылышки, и трепещут?.. Спрашиваю его: «Это святыне... бабочки?» Он смеется, отрицается:

– А-а... чего говоришь, дурачок... Силы это Бесплотные, шестокрылые это Серафимы, серебречом шиты, в Хотькове монашки изготавливают... ишь, как крылышками трепещут в радости!..

И лицо его в морщинках, и все морщинки сияют-улыбаются. Этих Серафимчиков он только на именины вынимает: и закопятся, и муха засидеть может.

На полочке, где сухие просвирки, серенькие совсем, принесенные добрыми людьми, – иерусалимские, афонские, соловецкие, с дальних обителей, на бархатной дощечке – самые главные святыньки: колючка терна ерусалимского с горы Христовой – Полугариха-банщица принесла, ходила во Святую Землю, – сухая оливошная ветка, от садов Ифсеманских взята, «пилат-камень», с какого-то священного-древнего порошка, песочек ерданский в пузырьке, сухие цветки, священные... и еще много святостей: кипарисовые кресты и крестики, складнички и пояски с молитвой, камушки и сухая рыбка, Апостолы где ловили, на окунька похожа. Святыньки эти он вынимает только по большим праздникам.

Убирает с задней стены картинку – «Какмыши кота погребали» – и говорит:

– Вася это мне навесил, скопец ему подарил.

Я спрашиваю:

– Скупец?

– Ну, скопец. Не ндравится она мне, да обидеть Василича не хотел, терпел... мыши тут не годятся.

И навешивает новую картину – «Два пастыря». На одной половинке пастырь добрый – будто Христос: гладит овечек, и овечки кудрявенькие такие; а на другой – дурной пастырь, бежит, растерзанный весь, палку бросил, и только подметки видно; а волки дерут овечек, кло-чьями шерсть летит. Это такая притча. Потом достает новое одеяло, все из шелковых лоскутков, подарок Домны Панферовны.

– На язык востра, а хорошая женщина, нищелюбивая... ишь, приукрасило как коморочку.

Я ему говорю:

– Тебя завтра одеялками завалят. Гришка смеялся.

– Глупый сказал. Правда, в прошедшем году два одеяла монашки подарили, я их пораздовал.

Под Крестом Митрополита повесить думает, дьячок посулился подарить.

– Бог приведет, пировать завтра будем – первый ты у меня гость будешь. Ну, батюшка придет, папашенька добывает, а ты все первый, ангельская душка. А вот зачем ты на Гришу намедни заплевался? Лопату ему расколочил, он те побранил, а ты – плевать. И у него тоже Ангел есть, Григорий Богослов, а ты... За каждым Ангел стоит, как можно... на него плюнул – на Ангела плюнул!

На Ангела?! Я это знал, забыл. Я смотрю на образ Архистратига Михаила: весь в серебре, а за ним крылатые воины и копья. Это все Ангелы, и за каждым стоят они, и за Гришкой тоже, которого все называют охальником.

– И за Гришкой?..

– А как же, и он образ-подобие, а ты плюешься. А ты вот как: осерчал на кого – сейчас и погляди за него позадь, и вспомнишь: стоит за ним! И обойдешься. Хошь царь, хошь вот я, плотник... одинако, при каждом Ангел. Так прабабушка твоя Устинья Васильевна наставляла, святой человек. За тобой Иван-Богослов стоит... вот, думает, какого плевалыщика Господь мне препоручил! – нетто ему приятно? Чего оглядываешься... боишься?

Стыдно ему открыться, почему я оглядываюсь.

– Так вот все и оглядывайся, и хороший будешь. И каждому Ангелу день положен, слово-словить чтобы... вот человеки именинник, и ему почет-уважение, по Ангелу. Придет Григорий Богослов – и Гриша именинник будет, и ему уважение, по Ангелу. А завтра моему: «Небесных воинств Архистратизи... начальницы высших сил бесплотных...» – поется так. С мечом пишется, на святых вратах, и рай стережет – все мой Ангел. В рай впустит ли? Это как заслужу. Там не по знакомству, а заслужу. А ты плюешься...

В летней мастерской Ондрейка выстрегивает стол: завтра тут нищим горячее угощение будет.

– Повелось от прабабушки твоей на именины убогих радовать. Папашенька намедни, на Сергия-Вакха, больше полста кормил. Ну, ко мне, бедно-бедно, а десятка два притекут, с солонинкой похлебка будет, будто мой Ангел угощает. Зима на дворе, вот и погреемся, а то и кусок в плотку не полезет, пировать-то станем. Ну, погоду пойдём поглядим.

Падает мокрый снег. Черная грязь все та же. От первого снежка сорок день минуло, надо бы быть зиме, а ее нет и нет. Горкин берет досточку и горбушкой пальца стучит по ней.

– Суха досточка, а постук волпый... – говорит он особенно как-то, будто чего-то видит, – и смотри ты, на колодую-то по железке-то, побелело!.., это уж к снегопаду, косатик... к снегопаду. Сказывал тебе – Михаил-Архангел навсягды ко мне по снежку приходит.

Небо мутное, снеговое. Антипушка справляется:

– В Кремь поедешь, Михал Панкратыч?

В Кремль. Отец уж распорядился – на Маленьком повезет Гаврила. Всегда под Ангела Горкин ездит к Архангелам, где собор.

– И пеш прошел бы, беспокойство такое доставляю. И за чего мне такая ласка!.. – говорит он, будто ему стыдно.

Я знаю: отец после дедушки совсем молодой остался, Горкин ему во всем помогал-советовал. И прабабушка наставляла: «Мишу слушай, не обижай». Вот и не обижает. Я беру его за руку и шепчу: «И я тебя всегда-всегда буду слушаться, не буду никогда обижать».

Три часа, сумерки. В баню надо сходить успеть, а потом – ко всенощной.

Горкин в Кремле у всенощной. Падает мокрый снег; за черным окном начинает белеть железка. Я отворяю форточку. Видно при свете лампы, как струятся во мгле снежинки... – зима

идет?.. Высовываю руку – хлещет! Даже стегает в стекла. И воздух... – белой зимою пахнет. Михаил Архангел все по снежку приходит.

Отец шубу подарит Горкину. Скорняк давно подобрал из старой хорьковой шубы, а портной Хлобыстов обещался принести перед обедней. А я-то что подарю?.. Баншики крендель принесут за три рубля. Василь-Василия чайную чашку ему купить придумал. Воронин, булочник, пирог принесет с грушками и с желе, дьячок вон Митрополита посулился... а я что же?.. Разве «Священную историю» Анохова подарить, которая без переплета? И крупные на ней буквы, ему по глазам как раз?.. В кухне она, у Марьюшки, я давал ей глядеть картинки.

Марьюшка прибирается, скоро спать. За пустым столом Гришка разглядывает «Священную историю», картинки. Показывает на Еву в раю и говорит:

– А ета чего такая, волосами прикрыта, вся раздевши? – и нехорошо смеется.

Я рассказываю ему, что это Ева, безгрешная когда была, в раю, с Адамом-мужем, а когда согрешила, им Бог сделал кожаные одежды. А он прямо как жеребец го гогочет, Марьюшка дураком его даже назвала. А он гогочет:

– Согрешила – и обновку выгадала, ловко!..

Ну, охальник, все говорят. Я хочу отругать его, плюнуть и растереть... смотрю за его спиной, вижу тень на стене за ним... – и вспоминаю про Ангела, который стоит за каждым. Вижу в святом углу иконку с засохшей вербочкой, вспоминается «Верба», веселое гулянье, Великий пост... – «скоро буду говеть, в первый раз». Пересиливая ужасный стыд, я говорю ему:

– Гриша... я на тебя плюнул вчера... ты не сердись уж... – и растираю картинку пальцем.

Он смотрит на меня, и лицо у него какое-то другое, будто он думает о чем-то грустном.

– Эна ты про чего... а я и думать забыл... – говорит он раздумчиво и улыбается ласково. –

Вот, годи... снегу навалит, свалю с тобой такую бабу... во всей-то сбруе!..

Я бегу-топочу по лестнице, и мне хорошо, легко.

Я никак не могу заснуть, все думаю. За черным окном стегает по стеклам снегом, идет зима...

Утро, окна захлестаны, в комнате снежный свет... – вот и пришла зима. Я бегу босой по ледяному полу, влезая на окошко... – снегу-то, снегу сколько!..

Грязь завалило белым снегом. Антипушка отгребает от конюшни. Засыпало и сараи, и заборы, и Барминихину бузину. Только мутно желтеет лужа, будто кисель гороховый. Я отворяю форточку... – свежий и острый воздух, яблоками как будто пахнет, чудесной радостью... и тихо, глухо. Я кричу в форточку: «Антипушка, зима-а!» – и мой голос какой-то новый, глухой, совсем не мой, будто кричу в подушку. И Антипушка, будто из-под подушки тоже, отвечает: «Пришла-а-а...» Лица его не видно: снег не стегает, а густо валит. Попрыгивает в снегу кошка, отряхивает лапки, смешно смотреть. Куры стоят у лужи и не шевелятся, словно боятся снега. Петух все вытягивает головку к забору, хочет взлететь, но и на заборе навалило, и куда ни гляди – все бело.

Я прыгаю по снегу, расшвыриваю лопаточкой. Лопаточка глубоко уходит, по мою руку, глухо тукает в землю: значит, зима легла. В саду поверх засыпало смородину и крыжовник, малину придавило, только под яблоньками еще синееет. Снег еще налипает, похрустывает туго и маслится, – надо ему окрепнуть. От ворот на крыльцо следочки, кто-то уже прошел... Кто?.. Михаил-Архангел? Он всегда по снежку приходит. Но Он – бесследный, ходит по воздуху.

Василь-Василии попискивает сапожками, даже поплясывает как будто... – рад зиме. Спрашивает, чего Горкину подарю. Я не знаю... А он чайную чашку ему купил; золотцем выписано на ней красиво: «В День Ангела». Я-то что подарю?!

Стряпуха варит похлебку нищим. Их уже набралось к воротам, топчутся на снежку. Трифонич отпирает лавку, глядит по улице, не едет ли Панкратыч: хочет первым его поздравить. Шепчет мне: «Уж преподнесу ландринчику и мармаладцу, любит с чайком Панкратыч». А я-то что же?.. Должен сейчас подъехать, ранняя-то уж отошла, совсем светло. Спрашиваю у

Гришки, что он подарит. Говорит: «Сапожки ему начистил, как жар горят». Отец шубу подарил... богатая шуба, говорят, хорь какой! к обедне надел-поехал – не узнать нашего Панкратыча: прямо купец московский.

Вон уж и баншики несут крендель, трое, «заказной», в месяц ему не съесть. Ну, все-то все... придумали-изготовили, а я-то как же?.. Господи, дай придумать, наставь в доброе разумение!.. Я смотрю на небо... – а вдруг придумаю?!. А Антипушка... он-то что?.. Антипушка тоже чашку, семь гривен дал. Думаю и молюсь – не знаю. Все мог придумать, а вот – не знаю... Может быть, это он мешает? «Священная история» – вся ободрана, такое дарить нельзя. И Марьюшка тоже приготовила, испекла большую кулебяку и пирог с изюмом. Я бегу в дом.

Отец считает на счетах в кабинете. Говорит – не мешай, сам придумай. Ничего не придумашь, как на грех. Старенькую копилку разве?.. Или – троицкий сундучок отдать?.. Да он без ключика, и Горкин его знает, это не подарок: подарок всегда – незнанный. Отец говорит:

– Хорош гусь... нечего сказать. Он всегда за тебя горой, а ты и к именинам не озаботился... хорош.

Мне стыдно, даже страшно: такой день, порадовать надо Ангела... Михаил-Архангел – всем Ангелам Ангел, – Горкин вчера сказал. Все станут подносить, а Он посмотрит, я-то чего несу?.. Господи-Господи, сейчас подъедет... Я забираюсь на диван, так сердце и разрывается.

Отец говорит:

– Зима на дворе, а у нас дождик. Эка морду-то наревел!..

Двигает креслом и отпирает ящик.

– Так и не надумаешь ничего?.. – и вынимает из ящика новый кошелек. – Хотел сам ему подарить, старый у него плох, от бабушки еще... Ну ладно... давай, вместе подарим: ты – кошелек, а я – в кошелек!

Он кладет в кошелек серебреца, новенькие монетки, раскладывает за «щечки», а в серединку белую бумажку, «четвертную», написано на ней – «25 рублей серебром», – и... «золотой»!

– Радовать – так радовать, а?!

Средний кармашек – из алого сафьяна. У меня занимает дух.

– Скажешь ему: «А золотенький орелик... от меня с папашенькой, нераздельно... так тебя вместе любим». Скажешь?..

У меня перехватывает в горле, не помню себя от счастья.

Кричат от ворот: «Е-едет...»

Едет-катит в лубяных саночках, по первопутке... – взрывает Маленький рыхлый снег, весь передок заляпан, влипают комья, – едет, снежком запорошило, серебряная борода светится, раздумавшееся лицо сияет. Шапка торчком, барашковая; шуба богатая, важнецкая; отвороты пушистые, хорьковые, настоящего темного хоря, не вжелть, – прямо, купец московский. Нищие голоса в воротах:

– С Ангелом, кормилец... Михал Панкратыч... во здравие... сродственникам... царство небесное... свет ты наш!..

Трифоныч, всегда первый, у самого подъезда, поздравляет, целуется, преподносит жестяные коробочки, как и нам всегда – всегда перехватит на дворе. Все идут за дорогим именинником в жарко натопленную мастерскую. Василь-Василич снимает с него шубу и раскладывает на широкой лавке, хорями вверх. Все подходят, любуются, поглаживают: «Ну, и хо-орь... живой хорь, под чернобурку!..» Скорняк преподносит «золотой лист» – сам купил в синодальной лавке – «Слово Иоанна Златоуста». Горкин целуется со скорняком, лобызает священный «лист», говорит трогательно: «Радости-то мне колико, родненький мой... голубчики!..» – совсем расстроился, плачет даже. Скорняк по-церковному-дьяконски читает «золотой лист»:

«Счастлив тот дом, где пребывает мир...»

где брат любит брата, родители пекутся о детях,
дети почитают родителей!
Там благодать Господня...»

Все слушают молитвенно, как в церкви. Я знаю эти священные слова: с Горкиным мы читали. Отец обнимает и целует именинника. Я тоже обнимаю, подаю новый кошелек, и почему-то мне стыдно. Горкин всплескивает руками и говорить не может, дрожит у него лицо. Все только:

– Да Господи-батюшка... за что мне такое, Господи-батюшка!..

Все говорят:

– Как так за что!.. Хороший ты, Михал Панкратыч... вот за что!

Банные молодцы подносят крендель, вытирают усы и крепко целуются. Горкин – то их целует, то меня в маковку. Говорят – монашки из Зачатьевского монастыря одеяло привезли.

Две монахини входят чинно, будто это служение, крестятся на открытую каморку, в которой теплятся все лампадки. Уважительно кланяются имениннику, подают, вынув из скатерти, стеганое голубое одеяло, пухлое, никаким морозом не прошибет, и говорят распевно:

– Дорогому радетелю нашему... матушка настоятельница благословила.

Все говорят:

– Вот какая ему слава, Михал Панкратычу... во всю Москву!..

Монахинь уважительно усаживают за стол. Василь-Василии подносит синюю чашку в золотце.

На столике у стенки уже четыре чашки и кулич с пирогом. Скорняк привешивает на стенку «золотой лист». Заглядывают в каморку дивятся на образа: «Какое Божие Милосердие-то богатое... старинное!»

«Собор Архистратига Михаила и прочих Сил Бесплотных» весь серебром сияет, будто зима святая, – осеняет все святости.

На большом артельном столе, на его середке, накрытой холстинной скатертью в голубых звездочках, начисто пройденном фуганком, кипит людской самовар, огромный, выше меня, пожалуй. Марьюшка вносит с поклоном кулебяку и пирог изюмный. Все садятся, по чину. Крестница Маша разливает чай в новые чашки и стаканы. Она вышила кресенькому бархотную туфельку под часики, бисерцем и шелками, – два голубка милуются. Едят кулебяку – и не нахвалятся. Приходят певчие от Казанской, подносят кулич с резной солоницей и обещают пропеть стихиры – пославить именинника. Является и псаломщик, парадный, в длинном сюртуке и крахмальном воротничке, и приносит, «в душевный дар», «митрополита Филарета» – «наимудреющего».

– Отец Виктор поздравляет и очень сожалеет... – говорит он. – У Пушкина, Михайлы Кузьмича, на именинном обеде, уж как обычно-с... но обязательно попозднее прибудет лично почет-уважение оказать.

И все подходят и подходят припоздавшие: Денис, с живой рыбой в ведерке: «Тут и наличик мерный, и подлещики наскочили» – и водолив с водокачки, с ворошком зеленой еще спаржи в ягодках – на образа, и Солодовкин-птичник, напетого скворчика принес. Весь день самовар со стола не сходит.

Только свои остались, поздний вечер. Сидят у пылающей печурки. На дворе морозит, зима взялась. В открытую дверь каморки видно, как теплится синяя лампадка перед снежно блистающим Архистратигом. Горкин рассказывает про царевы гробы в Архангельском соборе. Говорят про Ивана Грозного, простит ли ему Господь. Скорняк говорит:

– Не простит, он Святого, митрополита Филиппа, задушил.

Горкин говорит, что митрополит-мученик теперь Ангел, и все умученные Грозным Царем теперь уж лики ангельские. И все возопиют у Престола Господня: «Отпусти ему, Гос-

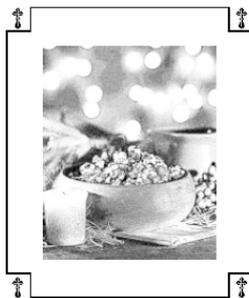
поди!» – и простит Господь. И все говорят – обязательно простит. И скорняк раздумчиво говорит, что, пожалуй, и простит: «Правда, это у нас так, в сердцах... а там, у Ангелов, по-другому возмеряют...»

– Всем милость, всем прощение... там все по-другому будет... это наша душа короткая... – вздыхает Антипушка, и все дивятся, мудрое какое слово, а его все простачком считали.

Это, пожалуй, Ангел нашептывает мудрые слова. За каждым Ангел, а за Горкиным Ангел над Ангелами – Архистратиг. Стоит невидимо за спиной и радуется. И все Ангелы радуются с ним, потому что сегодня день его Славословия, в ему будто именины – Михайлов День.

Глава 10 Рождественский пост (Филиппов)

Пост имени апостола

Глава 10. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТ (ФИЛИППОВ) (27 ноября)

* * *

Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.
Над бездной плакал голос новый —
Младенца Дева родила.
На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена,
Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.
И было знаменье и чудо:
В невозмутимой тишине
Среди толпы возник Иуда
В холодной маске, на коне.
Владыки, полные заботы,
Послали весть во все концы,
И на губах Искарюта
Улыбку видели гонцы.

Александр Блок

Объяснение праздника

Святой апостол Филипп – из двенадцати апостолов. Происходил из города Вифсаиды, вместе с апостолами Петром и Андреем. В ранней юности он отдан был учиться и, читая Священное Писание, узнал пророчества об ожидаемом Мессии, всюю душою полюбил Его и очень желал видеть. Когда явился с проповедью о Христе предтеча Его Иоанн, то святой Филипп покинул родину и сделался его учеником. Узнав от Иоанна, что Мессия уже пришел, он очень желал, чтобы Господь позвал его следовать за Собой. И это скоро случилось. Встретив однажды Филиппа, Господь Иисус Христос сказал ему: «Иди за Мною», и с этого времени Филипп сделался ревностным учеником Христовым. Он призвал в ученики ко Христу друга своего Нафанаила, или Варфоломея. Во время прощальной беседы Иисуса Христа с учениками апостол Филипп просил Его: «Господи, покажи нам Отца Своего». Тогда Господь сказал ему: «Сколько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня? Видевший Меня видел Отца. Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне?» Апостол Филипп проповедовал в Азии и Африке, совершил много чудес, воскресил нескольких умерших.

Однажды, когда он проповедовал в Элладе, в Греции, сюда прибыл еврейский первосвященник и с гневом сказал ему: «Не довольно тебе обольщать простой народ в Иудее, ты пришел и к премудрым эллинам, чтобы прельщать их учением Иисуса, которого умертвили позорною смертью за противление закону Моисееву и тело которого вы, Его ученики, украли, а сами разгласили, что Он воскрес». Святой апостол отвечал: «Зачем ты говоришь ложь? Не вы ли положили печать ко гробу Христову и приставили стражу? А затем, когда Христос воскрес, не вы ли дали воинам золота и велели говорить, что Христос был украден, когда они спали?» Тогда первосвященник хотел было собственными руками убить апостола, но вдруг ослеп.

Святой апостол Филипп обратил ко Христу целую страну, называемую Эфиопией. В Иераполе Фригийском он скончался мученически – его распяли вниз головою. Мощи святого апостола Филиппа находятся в Риме, в церкви Двенадцати апостолов.

После дня святого Филиппа начинается пост, называемый по его имени, или иначе Рождественским. Пост установлен для приготовления к празднику Рождества Христова.

Протоиерей Григорий Дьяченко

Иван Шмелев Заговины перед Филиповками

Завтра заговины перед Филиповками. Так Рождественский пост зовется, от апостола Филиппа: в заговины, 14 числа ноября месяца, как раз почитание его. А там и Введение, а там и Николин день, а там... Нет, долго еще до Рождества.

– Ничего не долго. И не оглянешься, как подкатит. Самая тут радость и начинается – Филиповки! – утешает Горкин. – Какая-какая... самое священное пойдет, праздник на празднике, душе свет. Крестного на Лександру Невского поздравлять пойдем, пешком по Москва-реке, 23 числа ноября месяца. Заговеемся с тобой завтра, пощенье у нас пойдет, на огурчиках – на капустке кисленькой-духовитой посидим, грешное нутро прочистим, – Младенца-Христа встречать. Введение вступать станет – сразу нам и засветится.

– Чего засветится?

– А будто звезда засветится, в разумении. Как так, не разумею? За всеношной воспоют, как бы в преддверие: «Христос рождается – славите... Христос с небес – срящите...» – душа и воссияет: скоро, мол, Рождество!.. Так все налажено – только разумеи и радуйся, ничего и не будет скушно.

На кухне Марьюшка разбирает большой кулек, из Охотного Ряда привезли. Раскапывает засыпанных снежком судаков пылкого мороза, белопузых, укладывает в снег, в ящик. Судаки крепкие, как камень, – постукивают даже, хвосты у них ломкие, как лучинки, искрятся на огне – морозные судаки, седые. Рано судак пошел, ранняя-то зима. А под судаками, вся снежная, навага! – сизые спинки, в инее. Все радостно смотрят на навагу. Я царапаю ноготком по спинке – такой холодок приятный, сладко немеют пальцы. Вспоминаю, какая она на вкус, дольками отделяется; и «зернышки» вспоминаю: по две штучки у ней в головке, за глазками, из перламутра словно, как огуречные семечки, в мелких-мелких иззубринках. Сестры их набирают себе на ожерелья – будто как белые кораллы. Горкин наважку уважает – кру-упная-то какая нонче! – слаще и рыбки нет. Теперь уж не сдаст зима. Уж коли к Филиповкам навага – пришла настоящая зима. Навагу везут в Москву с далекого Беломорья, от Соловецких Угодников, рыбка самая нежная, – Горкин говорит – «снежная»: оттепелью чуть тронет – не та наважка; и потемнеет, и вкуса такого нет, как с пылкого мороза. С Беломорья пошла навага – значит, и зима двинулась: там ведь она живет.

Заговины – как праздник: душу перед постом порадовать. Так говорят, которые не разумеют по духовному. А мы с Горкиным разумеем. Не душу порадовать – душа радуется посту! – а мамону по слабости потешить.

– А какая она, мамона... грешная? Это чего, мамона?

– Это вот самая она, мамона, – смеется Горкин и тычет меня в живот. – Утроба грешная. А душа о посте радуется. Ну, Рождество придет, душа и воссияет во всей чистоте, тогда и мамоне поблажка: радуйся и ты, мамона!

Рабочему народу дают заговеться вдоволь – тяжелая зимняя работа: щи жирные с соляной, рубец с кашей, лапша молочная. Горкин заговляется судачком – и рыбки постом вкушать не будет, – судачьей икоркой жареной, а на заедку драчену сладкую и лапшу молочную: без молочной лапши, говорит, не заговины.

Заговины у нас парадные. Приглашают батюшку от Казанской с протодьяконом – благословит на Филиповки. Канона такого нет, а для души приятно, легкость душе дает – с духовными ликами вкушать. Стол богатый, с бутылками «ланинской», и «легкое», от Депре-Леве. Протодьякон «депры» не любит, голос с нее садится, с этих-там «икемчиков-мадерцы», и ему ставят «отечественной, вдовы Попова». Закусывают в преддверии широкого заговенья сижком, икоркой, горячими пирожками с семгой и яйцами. Потом уж полные заговины – обед.

Суп с гусиными потрохами и пирог с ливером. Батюшке кладут гусиную лапку, то же и протодьякону. Мне никогда не достается, только две лапки у гуся, а сегодня как раз мой черед на лапку: недавно досталось Коле, прошедшее воскресенье Маничке – до Рождества теперь ждать придется. Маша ставит мне суп, а в нем – гусиное горло в шеряваой коже, противное самое, пупырки эти.

Батюшка очень доволен, что ему положили лапку, мягко так говорит: «Верно говорится – „сладки гусиные лапки“». Протодьякон – цельную лапку в рот, вытащил кость, причмокнул, будто пополоскал во рту, и сказал: «По какой грязи шлепала, а сладко!» Подают заливную осетрину, потом жареного гуся с капустой и мочеными яблоками, «китайскими», и всякое соленье, моченую бруснику, вишни, смородину в веничках, перченые огурчики-малютки, от которых мороз в затылке. Потом – слоеный пирог яблочный, пломбир на сливках и шоколад с бисквитами. Протодьякон просит еще гуська: «А припломбиры эти, – говорит, – воздушная пустота одна». Батюшка говорит, вздыхая, что и попоститься-то, как для души потреба, никогда не доводится – крестины, именины, самая-то именинная пора Филиповки, имена-то какие все: Александра Невского, великомученицы Екатерины – «Сколько Катерин в приходе у нас, подумайте!» – великомученицы Варвары, Святителя Николая Угодника!.. «Да и поминок много... завтра вот старика Лощенова хоронят... – люди хлебосольные, солидные, поминовенный обед с кондитером, как водится, готовят...» Протодьякон гремит-вздыхает: «Грехи... служение наше чреватое соблазном чревоугодия...» От пломбира зубы у него что-то понывають, и ему, для успокоения накладывают сладкого пирога. Навязывают после обеда щепной коробок детенкам его, «девятый становится на ножки!» – он доволен, прикладывает лапищу к животу-горе и вздыхает: «И оставиша останки младенцам своим». Батюшка хвалит пломбирчик и просит рецептик – преосвященного угостить когда.

Вдруг, к самому концу, – звонок! Маша шепчет в дверях испуганно:

– Палагея Ивановна... сурьезная!..

Все озираются тревожно, матушка спешит встретить, отец, с салфеткой, быстро идет в переднюю. Это родная его тетка, «немножко тово», и ее все боятся: всякого-то насквозь видит и говорит всегда что-то непонятное и страшное. Горкин ее очень почитает: она – «вроде юродная», и ей будто открыта вся тайная премудрость. И я ее очень уважаю и боюсь попасться ей на глаза. Про нее у нас говорят, что «не все у ней дома» и что она «чуть с приглинкой». Столько она всяких словечек знает, приговорок всяких и загадок! И все говорят: «Хоть и с приглинкой будто, а у-умная... ну, все-то она к месту, только уж много после все открывается, и все по ее слову».

И правда ведь: блаженные-то – все ведь святые были! Приходит она к нам раза два в год, «как на нее накатит», и всегда заявляется, когда вовсе ее не ждут. Так вот, ни с того ни с сего и явится. А если явится – неспроста. Она грузная, ходит тяжелой перевалочкой, в широченном платье, в турецкой шали с желудями и павлиньими «глазками», а на голове черная шелковая «головка», по старинке. Лицо у ней пухлое, большое; глаза большие, серые, строгие, и в них – «тайная премудрость». Говорит всегда грубовато, срыву, но очень складно, без единой запиночки, «так цветным бисером и сыплет», целый вечер может проговорить, и все загадками, прибаутками, а порой и такими, что со стыда сгоришь – сразу и не понять, надо долго разгадывать премудрость. Потому и боятся ее, что она судьбу видит, Горкин так говорит. Мне кажется, что кто-то ей шепчет – Ангелы? – она часто склоняет голову набок и будто прислушивается к неслышному никому шепоту – судьбы?..

Сегодня она в лиловом платье и в белой шали, муаровой, очень парадная. Отец целует у ней руку, целует в пухлую щеку, а она ему строго так:

– Приехала тетка с чужого околотка... и не звана, а вот вам она!

Всех сразу и смутила. Мне велют приложиться в ручке, а я упираюсь, боюсь: ну-как она мне скажет что-нибудь непонятное и страшное. Она будто знает, что я думаю про нее, хватает меня за стриженный вихорчик и говорит нараспев, как о. Виктор:

– Рости, хохолок, под самый потолок!

Все ахают, как хорошо да складно, и Маша, глупая, еще тут:

– Как тебе хорошо-то насказала... богатый будешь!

А она ей:

– Что, малинка... готова перинка?

Так все и охнули, а Маша прямо со стыда сгорела, совсем спелая малинка стала: прознала Палагея Ивановна, что Машина свадьба скоро, я даже понял.

Отец спрашивает, как здоровье, приглашает заговориться, а она ему:

– Кому пост, а кому погост!

И глаза возвела на потолок, будто там все прописано. Так все и отступили – такие страсти! Из гостиной она строго проходит в залу, где стол уже в беспорядке, крестится на образ, оглядывает неприглядный стол и тычет пальцем:

– Дорогие гости обсосали жирок с кости, а нашей Палашке – вылизывай чашки!

И не садится. Ее упрашивают, умамливают, и батюшка даже поднялся, из уважения, а Палагея Ивановна села прямиком-гордо, брови насупила и вилкой не шевельнет. Ей и сижка-то, и пирожка-то, и суп подают, без потрохов уж только, а она кутается шалью натуго, будто ей холодно, и прорекает: «Невелика синица, напьется и водицы...» И протодьякон стал ласково говорить, расположительно: «Расскажите, Палагея Ивановна, где бывали, чего видали... слушать вас поучительно...» А она ему:

– Видала во сне – сидит баба на сосне.

Так все и покатались. Протодьякон живот прихватил, присел, да как крякнет!.. – все так и звякнуло. А Палагея Ивановна строго на него:

– А ты бы, дьякон, потише вякал!

Все очень застыдились, а батюшка отошел от греха в сторонку.

Недолго посидела, заторопилась – домой пора. Стали провожать. Отец просит: «Сам вас на лошадке отвезу». А она и вымолвила... после только премудрость-то прознали:

– Пора и на паре, с песнями и!..

Отец ей:

– И на паре отвезу, тетушка...

А она погладила его по лицу и вымолвила:

– На паре-то на масленой катают.

На масленице как раз и отвезли Палагею Ивановну, с пением «Святой Боже» на Ваганьковское. Не все тогда уразумели в темных словах ее. Вспомнили потом, как она в заговины сказала отцу словечко. Он ей про дела рассказывал, про подряды и про «Ледяной дом», а она ему так, жалеючи:

– Надо, надо ледку... горячая голова... остынет. Голову ему потрогала и поцеловала в лоб. Тогда не вникли в темноту слов ее...

После ужина матушка велит Маше взять из буфета на кухню людям все скоромное, что осталось, и обмести по полкам гусиным крылышком. Прабабушка Устинья курила в комнатах уксусом и мяткой – запахи мясоедные затомить, а теперь уже повывелось. Только Горкин блюдет завет. Я иду в мастерскую, где у него каморка, и мы с ним ходим и курум ладанцем. Он говорит нараспев молитовку: «Воскорю-у имианы-ладаны... воскурю-у... исчезает дым и исчезнут... тает воск от лица-огня...» – должно быть, про дух скоромный. И слышу – наверху, в комнатах – стук и звон! Это миндаль толкут, к Филиповкам молочко готовят. Горкин знает, как мне не терпится, и говорит:

– Ну, воскурили с тобой... ступ ай-по радуйся напоследок, уж Филиповки на дворе. Я бегу темными сенями, меня схватывает Василь-Василии, несет в мастерскую, а я брыкаюсь.

Становит перед печуркой на стружки, садится передо мной на корточки и сипит:

– Ах, молодойхозяин... кр-расота Господня!.. Заговелся малость... а завтра «Ледяной дом» лить будем... ахнут!.. Скажи папашеньке... спит, мол, Косой, как стеклышко... ик-ик... – и водочным духом на меня.

Я вырываюсь от него, но он прижимает меня к груди и показывает серебряные часы: «Папашенька подарил... за... поведение!..» Нашаривает гармонию, хочет мне «Матушку-голубушку» сыграть-утешить. Но Горкин ласково говорит: «Утихомирься, Вася, Филиповки на дворе, гре-эх!..» Василь-Василия так на него ладошками, как святых на молитве пишут:

– Анделво плоти!.. Панкратыч!.. Пропали без тебя... Отмолит нас Панкратыч... мы все за ним, как... за каменной горой... Скажи папашеньке... от-мо... лит! всех отмолит!

А там молоко толкут! Я бегу темными сенями. В кухне Марьюшка прибралась, молится Богу перед постной лампадочкой. Вот и Филиповки... скучно как...

В комнатах все лампы пригашены, только в столовой свет, тусклый-тусклый. Маша сидит на полу, держит на коврике, в коленях, ступку, закрытую салфеткой, и толчет пестиком. Медью отзванивает ступка, весело-звонко, выплясывает словно. Матушка ошпаривает миндаль – будут еще толочь!

Я сажусь на корточках перед Машей, и так приятно, миндальным запахом от нее. Жду, не выпрыгнет ли «счастливчик». Маша миндалем дышит на меня, делает строгие глаза и шепчет: «Где тебя, глазастого, носило... все потолкла!» И дает мне на пальце миндальной кашицы в рот. До чего же вкусно и душисто! Я облизываю и Машин палец. Прошу у матушки почистить миндалики. Она велит выбирать из миски, с донышка. Я принимаюсь чистить, выдавливаю с кончика, и молочный, весь новенький миндалик упрыгивает под стол. Подумают, пожалуй, что я нарочно. Я стараюсь, но миндалики юркают, боятся ступки. Я лезу под стол, собираю «счастливчиков», а блюдечко с миндаликами уже отставлено. – «Будет с тебя, начистил».

Я божусь, что это они сами уюркивают... может быть, боятся ступки... – вот они все, «счастливчики», – и показываю на ладошке. – «Промойпо-ложи».

Маша сует мне в кармашек целую горсть чистеньких-голеньких – и ласково щечочет мою ногу. Я смотрю, как смеются ее глаза – ясные миндали, играют на них синие зрачки-колечки... и губы у ней играют, и за ними белые зубы, как сочные миндали, хрупают. И вся она будто миндальная. Она смеется, целует меня украдкой в шейку и шепчет, такая радостная:

– Ду-сик... Рождество скоро, а там и мясоед... счастье мое миндальное!..

Я знаю: она рада, что скоро ее свадьба. И повторяю в уме: «Счастье мое миндальное...»

Матушка велит мне ложиться спать. А выжимки-то? – «Завтра. И так, небось, скоро затошнит». Я иду попрощаться с отцом.

В кабинете лампа с зеленым колпаком привернута, чуть видно. Отец спит на диване. Я подхожу на цыпочках. Он в крахмальной рубашке, золотится грудная запонка. Боюсь разбудить его. На дедушкином столе с решеточкой-заборчиком лежит затрепанная книжка. Я прочитываю заглавие – «Ледяной дом». Потому и строим «Ледяной дом»? В окнах, за разноцветными ширмочками, искрится от мороза... – звездочки? Взбираюсь на стол, грызу миндалик, разглядываю гусиное перо, дедушкино еще... гусиную лапку вижу, Палагею Ивановну...

Лампа плывет куда-то, светит внизу зеленовато... потолок валится на меня с круглой зеленой клеткой, где живет невидный никогда жавороночек... – и вижу лицо отца. Я на руках у него... он меня тискает, я обнимаю его шею... – какая она горячая!..

– Заснул? На самом «Ледяном доме»? Не замерз, а? И что ты такой душистый... совсем миндальный!..

Я разжимаю ладошку и показываю миндалики. Он вбирает губами с моей ладошки, весело так похрупывает. Теперь и он миндальный. И отдается радостное, оставшееся во мне – «счастье мое миндальное!..».

Давно пора спать, но не хочется уходить. Отец несет меня в детскую, я прижимаюсь к его лицу, слышу миндальный запах...

«Счастье мое миндальное!..»

Глава 11

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Святое Святым

Глава 11.

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

(4 декабря)

Введение

Вводится Девица в храм по ступеням,
Сверстницы-девушки идут за Ней.
Зыблется свет от лампадных огней.
Вводится Девица в храм по ступеням.

В митре рогатой седой иерей
Деву встречает, подняв свои руки,
Бренный свидетель нетленной поруки,
В митре рогатой седой иерей.

Лестницу поступью легкой проходит
Дева Мария, смиренно спеша.
Белой одеждой тихонько шурша,
Лестницу поступью легкой проходит.

Старец, послушный совету небес,
Вводит Ее во святилище храма.
Он не боится упреков и срама,
Старец, послушный совету небес.

Белой голубкою скрылась внутри,

Плотно закрылась святая завеса.
Чуждая злым искушениям беса,
Белой голубкою скрылась внутри.

Что вы, подружки, глядите вослед?
Та, что исчезла белей голубицы,
Снова придет к вам в одежде Царицы.
Что вы, подружки, глядите вослед?

Михаил Кузмин

Объяснение праздника

Когда Мария подросла до трех лет, Ее родители, святые Иоаким и Анна, решили отвести девочку в храм Иерусалимский, чтобы там Она воспитывалась.

Они дали обет посвятить Марию Богу, и надо было его исполнить. И повели Ее в сопровождении маленьких девочек, несущих горящие свечи, в Иерусалим, в храм Господень. И удивительным образом, когда они приблизились к храму, трехлетняя малютка Мария вырвалась из рук и быстро взбежала по высоким ступеням.

И принял Ее в свои объятия великий первосвященник Захария, и сотворил нечто необычайное. Он не только ввел Ее в храм Божий, но ввел и во Святое Святых, туда, где стоял некогда Ковчег Завета и куда имел право только один раз в год входить первосвященник, а больше никто. Захария ввел Малютку Марию во Святое Святых и дал разрешение, когда Она захочет, приходить туда молиться.

Так было отмечено детство Той, Которая должна была стать Пречистым Храмом Спасовым. Оставим Ее, Святейшую Святых, молиться во Храме Господнем...

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).

«В день Введения во храм Пресвятой Богородицы»

Евгений Поселянин

Мария во храме

Существует предание, что по исполнении Марии шести месяцев Анна поставила Ее на землю, чтобы посмотреть, может ли Она ходить. Дитя сделало семь шагов, потом пошло обратно в руки матери. Анна решила, что дочь ее не будет ходить по земле, пока она Ее не введет в храм Господень. Когда Марии исполнился год, отец Ее устроил пир, на который собрал гостей и подносил Марию под благословение старейшин и первосвященников. Анна же радостно прославляла Бога за то, что он разрешил ее неплодие и «отъял поношение врагов ее».

Еще через год Иоаким хотел исполнить над Марией обет посвящения Богу, но Анна, боясь, что в храме дитя соскучится по дому и желая подольше удержать Ее при себе, уговорила мужа отсрочить на один год его намерение. Всего трех лет от роду Пресвятая Дева была введена во храм Иерусалимский. При храме в то время проживали девицы, ведшие чистый, благочестивый образ жизни. Это был как бы первообраз будущих христианских обителей.

Пресвятая Дева еще недавно научилась говорить, но уже Ее душа влеклась к Богу. Жизнь среди людей этому удивительному ребенку с созревшей душой не казалась привлекательной. И она Сама напомнила родителям об исполнении их обета. Печаль от разлуки с Дочерью боролась в душе Анны с радостью вручить Богу тот дар, который она от Него получила...

Торжественным шествием приближалась Анна с малюткой ко храму. В руках девочек, сопровождавших Марию, и у других присутствующих горели свечи. Подробности об этом событии сохранились в христианстве через апостола Иоанна Богослова, который мог слышать о них рассказы из уст Самой Богоматери в те годы, когда Она была на его попечении.

Навстречу Иоакиму и Анне вышли с пением из храма старейшины и первосвященник. Анна поставила Марию на ступень крыльца храма, первую из пятнадцати... И совершилось великое знамение. Никем не поддерживаемая, Дева легко взошла на вершину крыльца. Ангелы Божии, конечно, спустились тогда с неба и незаметно вознесли Богоматерь по высоким ступеням. Все были изумлены. А первосвященник не остановился на том месте, дальше которого не ходил обычно молящийся народ. Он повел за собой Марию в сокровенную глубину храма, во Святое Святых. А туда не дозволялось ходить не только никому из женщин, но не вступали туда даже и священники, и лишь первосвященник однажды в год входил, неся жертвенную кровь. Этим необыкновенным событием были поражены не только все присутствовавшие люди, но и ангелы, которые тогда еще не знали будущего Марии.

Святое Святых стало местом постоянных молитв Марии. Другие девы не могли и приблизиться к святилищу, а Мария всегда могла входить.

Принеся благодарственную жертву, Иоаким и Анна вернулись домой. Жизнь их, хотя и одинокая, не была больше омрачена поношением, никто не упрекал их за бесплодие. А Мария тихо росла в Иерусалиме в обществе сверстниц, как и Она, живших при храме. При детях находились благочестивые воспитательницы, они учили своих питомиц рукоделию и Священному Писанию. Для молитвы, оставив работу, Она уходила во Святое Святых.

Какая-то благоговейная тихость отмечала Ее поведение. Ни одного беспокойного слова не сорвалось с Ее всегда кротких уст. Речь Ее была приятна, и чувствовалась в этой речи высочайшая истина.

Ежедневно с раннего утра Она молилась до третьего часа (по нашему счету до девяти утра), затем шесть часов проводила за рукоделием или за чтением Священного Писания. С девятого же часа (с трех часов дня) опять молилась, пока ангел, служивший Ей, не приносил ей пищу. Ум у Нее был восприимчивый, острый, глубокий. Она много думала и очень мало говорила. Пряжа льна и шерсти была обычным Ее рукоделием. Часто вышивала Она шелками, особенно облачения священнические.

Посещение ангелами Девы Марии не укрылось однажды от первосвященника Захарии, который был изумлен и самим явлением, и тем, что ангел принес Деве вещественную пищу. И стал думать первосвященник, не есть ли Дева Мария та таинственная, пророками предвозвещенная Дева, от Которой родится Мессия.

Живя во храме, Пресвятая Дева лишилась родителей. Сперва умер 80-летний Иоаким, а вслед за ним и Анна. Так в нежном возрасте обречена была испытать горькое сиротство Та, Которая впоследствии должна была исцелять сиротство всех одиноких, покинутых людей, стать Матерью, Утешительницей и Заступницей сирот.

Конечно, сознание Своей беспомощности, Своего одиночества среди людей должно было еще сильнее обратить сердце Марии к Богу, в Котором было теперь заключено все Ее счастье и вся Ее судьба.

Мысль о браке, о земной любви должна была казаться невозможной для Пренепорочной Девы – этого невиданного дотоле на земле воплощения духовности и чистоты. Между тем Деве надлежало стать матерью. Божественный Промысел должен был создать такую обстановку жизни Пресвятой Девы, в которой бы девство Ее осталось ненарушенным и в то же время рождение от Нее Христа казалось бы делом естественным.

По истечении четырнадцати лет пребывания Марии во храме первосвященники объявили Ей, что по обычаю Ей надо оставить храм и выйти замуж. Пресвятая Дева им ответила, что Она от рождения посвящена Богу и желает всю Свою жизнь соблюсти девство. Удивились Ее ответу, так как намерение это было необычайно. С одной стороны, они не могли позволить Марии по достижении совершеннолетия оставаться при храме, с другой – не решались силой принудить Ее к браку. А третьего решения не было. Мучимые неизвестностью, как быть, они наконец стали просить у Бога, чтобы Он объявил им Свою волю. После общей молитвы священников, первосвященник, одевшись в свои одежды, вошел за завесу и там увидел ангела Господня. Ангел сказал первосвященнику: «Захария, собери неженатых мужей колена Иудова, из дома Давидова, пусть они принесут с собой свои посохи. И кому Господь покажет знамение, тому ты и вручишь Деву, чтоб он стал хранителем Ее девства».

Захария снарядил гонцов по всем сторонам Израильской земли, чтоб созвать мужей в Иерусалим. Приближался праздник Обновления Храма, на который собралось множество народа, а также мужи из рода Давидова, о которых говорил ангел. Первосвященник собрал этих мужей у храма и, взяв у них жезлы, внес их в храм, произнеся молитву: «Господи Боже, покажи мужа, достойного стать обручником Девы». Когда первосвященник вошел за жезлами в святилище, он увидел, что все они остались в своем прежнем виде, а один жезл расцвел. Этот жезл принадлежал родственнику Пречистой Девы Марии праведному 80-летнему старцу Иосифу, добывавшему себе хлеб плотничьим ремеслом. Так совершилось знамение, которое указало первосвященнику на человека, назначенного Промыслом быть хранителем Девы Марии. Кроме того, что жезл расцвел, на нем сидела голубица, которая вспорхнула и стала виться над головой Иосифа. Подав жезл Иосифу, первосвященник сказал: «Ты примешь Деву и будешь хранить Ее». Иосиф возразил, что у него есть дома взрослые сыновья, что он станет посмешищем для людей, если возьмет к себе в дом столь юную девицу. Но первосвященник сумел уговорить его не противиться Божьей воле, и тогда же произошло обручение. По преданию, Пречистая Дева была сильно опечалена решением священников. Трудно было расставаться с храмом, но Ей было откровение от Бога, чтобы не боялась идти в дом Иосифа, праведного старца, Ее обручника. Иосиф Ей был назначен не как муж, а как хранитель Ее святыни и заботливый Ее служитель. Со стороны все должны были думать, что Мария и Иосиф живут в браке, тогда как Ее девство оставалось по-прежнему ненарушенным.

Старец Иосиф был потомок Давида и Соломона. Это был человек твердого, праведного, искреннего нрава, скромный, внимательный, трудолюбивый. От брака с Саломией у него было две дочери и четыре сына. Перед обручением с Девой Марией он прожил много лет во вдовстве.

Так Мария рассталась с Иерусалимом, где протекло Ее детство и отрочество. Иосиф повел Ее за собой в Галилею в маленький Назарет, на жизнь, полную труда и лишений. И не знал никто тогда, что этим исходом Девы Марии в Назарет начинался ряд поразительных и великих событий, которые должны были перестроить жизнь вселенной.

Поселившись в Назарете, Дева Мария не изменила образа жизни, к которому привыкла в Иерусалиме. По-прежнему молитва и рукоделие делили между собой все Ее время. Обстоятельства доставили Ей большую работу, которая требовала Ее особенного внимания. Священники Иерусалимского храма задумали сделать новую завесу перед Святое Святых и поручили работу нескольким непорочным девам из племени Давида. Работа была распределена по частям между девами метанием жребия, и на долю Девы Марии достался «черв-лень» и «настоящая багряница»... И вот после посещения для этого дела Иерусалима Пречистая Дева опять в Назарете, в тишине, в молчании сосредоточенной души Своей, в таинственных, неясных предчувствиях чего-то великого, подходящего все ближе и ближе...

Глава 12

Святой великомученик Георгий Победоносец

Святой воин

Глава 12.

СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

*(6 мая, 16 ноября, 23 ноября,
9 декабря)*

Георгий Победоносец

Идущие с песней в бой,
Без страха – в свинцовый дождь,
Вас Георгий ведет святой,
Крылатый и мудрый вождь.

Пылающий меч разит
Средь ужаса и огня,
И звонок топот копыт
Его снегового коня.

Он тоже песню поет,
В ней – слава и торжество.
И те, кто в битве падет,
Услышат песню его.

Услышат в последний час
Громовый голос побед.
Зрачкам тускнеющих глаз
Блеснет немеркнущий свет!

Георгий Иванов

Перед иконой св. Георгия

Луч лампы... Старая икона...
Поле золотое, и на нем
Светлый всадник, ранящий дракона
Прямо в пасть пылающим копьём.
Синий сумрак в опустевшем храме,
Отблески закатные легли...
Сладостно молиться вечерами
О родимых, бьющихся вдали.
И приходят матери и жены,
И целуют всаднику плечо,
Чтоб вернулся милый пощаженный, —
Молятся светло и горячо.
Кроткий взор святителя умилен,
Но сильна разящая рука.
Белый конь Георгия не взмылен, —
Видно, служба ратная легка!
А закат разбрасывает розы...
Тени в храме распростерты ниц.
Редкие, но пламенные слезы
Падают с опущенных ресниц.
О, не даром эти слезы льются
В полутемных храмах без конца,
И надеждой радостною бьются
Так согласно русские сердца...
Скоро, скоро минет ночь глухая,
Дрогнет в небе первый отблеск дня,
И дракон забьется, издыхая
Под копытом белого коня!

Георгий Иванов

Объяснение праздника

Кем был святой Георгий? Почему в Православной Восточной Церкви, особенно на святой Руси, утвердился обычай особого чествования этого святого великомученика?

Он был римским воином конца III века. Был прекрасен душою и телом. Был богат и знатен, принадлежал к высшему кругу. Достоинства воина Георгия, внутренние и внешние, а также необычайная привязанность к нему римского императора Диоклитиана быстро провели его по всем ступеням воинских и государственных должностей, и император Диоклетиан вознамерился сделать его своим соправителем, а в случае своей смерти и преемником.

И все это было отвергнуто юным Георгием. Юным его называем потому, что и умерто он мученически, не достигнув тридцати лет. Георгий был христианин. Велико было изумление, велика была скорбь императора, когда ему стали сначала шептать, а потом и громко говорить, что вера в распятого Христа проникает не только во дворец, не только в высшие ряды воинства и вельможества, но и в самую семью грозного цезаря. Известно, что Диоклетиан

был из злейших, если только не самым злым гонителем христианства. Он видел опасность от распространяющегося христианства для всего римско-языческого строя. Потому-то он и поднял против христианства всей неограниченной властью римского цезаря громадную силу языческого государства. Все умы изошрялись в изобретении и применении к христианам самых разнообразных, самых томительных мук. Каково же было изумление, каково горе цезаря, когда он узнал, что и его нареченный сын, прекрасный бесстрашный Георгий, и даже супруга императора, царица Александра, исповедуют христианскую веру? Конечно, все вельмджи убеждали Георгия и царицу оставить веру в Иисуса Христа, поклониться родным богам и не огорчать супруга и отца – благодетеля, не позорить владыку мира тем, что в его семье нашлись дерзкие преступники – оскорбители законов и богов. Горе и ярость императора возросли, когда оказалось, что Георгий и царица Александра непреклонны...

Георгия били ременными бичами, разрывали тело в клочья, пытали его на колесе с заостренными зубцами, варили в негашеной извести... Великомученик остался непреклонен. Зная о его терзаниях, и царица Александра осталась непреклонна. Наконец, вынесен смертный приговор, обоим отрубили головы.

Святой великомученик Георгий называется Победоносцем потому, что он не знал поражения во многих боях с врагами императора. Он победил и самого императора. Победил сперва свою привязанность к своему благодетелю и свою надежду занять со временем римский трон. Это была самая тяжелая победа. Перенести все муки было уже легче. Встретить же мученическую за Иисуса Христа смерть было даже отрадой.

Протоиерей Григорий Дьяченко

Георгиевский кавалер и... крыса

Рассказ штабного офицера

Божья маленькая рать
Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой:
Ты не один – орлиная вы стая.
Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой...
Завидна смерть за честь родного края.

К. К. Романов. «Крылья».

Отрывок из сонета

– Был у нас при штабе корпуса совсем еще юный разведчик. Явился он добровольцем и после усиленных хлопот был зачислен. Неумоимость необычайная: не слезал с лошади, принимал участие в самых рискованных разведках. Всюду первый, всюду пример подает.

Василий Г., как звали юношу, был всеобщим любимцем за свои храбрость, находчивость и расторопность. Веселый жизнерадостный юноша вносил всюду с собой оживление и смех, невзирая на все трудности походной боевой жизни. Был уже георгиевским кавалером, получив медаль и крест.

Остановился как-то наш штаб в помещицьем доме. Команда разведчиков поместилась за отсутствием другого помещения в хлебном амбаре. Пришли, расположились. После ночной разведки, в которой принял участие и Василий Г., стоившей нескольких человек, когда команда ушла из неприятельских рук только благодаря беззаветной храбрости и находчивости, разведчики легли спать.

Василий Г. лег с краю на соломе. Вдруг вскакивает со страшным визгом и криком:

– Ой, мама, мама, крыса!

Солдаты подняли его на смех:

– Вот так герой! Георгиевский кавалер, а крысы испугался!

Тот – в плач. Дальше – больше. Стали уговаривать его. Ничего не помогает.

Приходит врач. Отнесли в лазарет и тут неожиданное открытие: Василий Г. оказался восемнадцатилетней девушкой. В штабе переполох. Все лезут в лазарет посмотреть на Г.

Позвали к корпусному. Чистосердечно рассказала о своем побеге из дому по документам жениха.

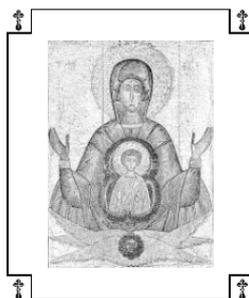
– Я ничего не боюсь, ваше высокопревосходительство, только мышей и крыс! – наивно заявила она.

«Василия Г.» в тот же день отправили на один из ближайших пунктов Красного Креста, где этот юный доброволец с жаром взялся за новое дело.

Глава 13

Икона Божией Матери «Знамение»

*Чистые слезы
Владычицы*

Глава 13. ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»

(10 декабря)

Перед иконой Богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внимли,
В Тебе надежда и спасенье.

Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока...
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь, твой светлый дом
Почти что погибает.
К Тебе, Заступница, зовем —
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь своих детей,
Скорбящих Упованье,
Не отврати Своих очей
От нашей скорби и страданья.

Сергей Бехтеев

Объяснение праздника

Празднование иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» установлено в Новгороде в 1170 году. Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский пошел войной против новгородцев. Собрал огромное войско, подступил к Новгороду. Новгородцы со своим архипастырем Иоанном (в иночестве Илиею) обратились с молитвой к Господу и Пресвятой Богородице. Ночью, во время молитвы, архиепископ услышал голос от иконы: «Иди в церковь Господа Иисуса Христа, на Ильинской улице; возьми оттуда икону Пресвятой Богородицы и неси на городские стены. Тогда увидишь спасение городу».

Он отправил за иконой протодиакона, а сам начал совершать молебное пение, но никак не удавалось сдвинуть икону с места. Тогда отправился за ней сам Иоанн, и когда пели молебен, то икона сдвинулась. Архиепископ принял на руки икону и вознес на городскую стену. Тут, во время нападения врагов, икона вдруг отвратила свой лик от нападающих и обратила его, в знамение своей милости, к городу, и в это время заметны были на лице слезы из очей Богородицы. Тогда тьма облекла полки неприятелей, и они обратились в бегство. Новгородцам оставалось только преследовать врагов. Это было 27 ноября⁶.

После этого икона получила название «Знамение (чудо) Пресвятой Богородицы», и установлено было празднование. В 1566 году по молитве перед иконой прекратился ужасный пожар в Новгороде, а в 1611 году шведы, грабившие этот город, хотели с той же целью войти в церковь Знамения, но лишь ступили на порог храма, как невидимой силой были отброшены назад.

Икона представляет собой поясное изображение Богоматери с распростертыми к небу руками. Младенец Иисус правой рукой благословляет мир, а в левой держит свиток – знак Своего спасительного закона.

Икона Знамения, находившаяся в Царском Селе, в придворной церкви, замечательна прекрасной древней живописью и прославлена многими чудесами. Икона была принесена в дар царю Алексею Михайловичу константинопольским патриархом Афанасием и с того времени сделалась особенно чтимой в царском роду. Петр Великий благословил ею дочь Елизавету как наследницу престола после Екатерины I. Императрица Екатерина II любила молиться перед ней. В 1820 году по молитве перед иконой императора Александра I, а в 1863 году – Александра II был остановлен пожар во дворце.

Протоиерей Иоанн Бухарев

⁶ Ст. ст. – Примеч. ред.

Георгий Северцев-Полилов Чистые слезы Владычицы

В суздальском стане шли приготовления к приступу. Князья, уверенные в победе, заранее делили между собою по жребию улицы, жен и детей новгородских, ссорились, уговариваясь между собою, кому сколько достанется пленных.

В особенности старался захватить побольше Олег Святославич Северский.

– Не минует моих рук богатая новгородская казна. Да и товаров у них немало, сколь их они из-за моря на ладьях привозят!

– Вестимо так! Одной парчи-то сколько!..

– А ефимков золотых?! Почитай, бочки набиты!..

– Всего у них вдосталь... Тем и горды... Поразберем немного, спесь-то с них пособием!..

– Не будут менять князей!.. Один неладен, другого надо! – сказал Владимир Дорогобужский, тоже пытавшийся сделаться князем новгородским.

Один Андрей не вступал в их споры, его планы были гораздо шире, он не думал о богатстве Новгорода, он надеялся собрать под свою властную руку все княжества Северной Руси и этим союзом крепко сплотить Русь: то, что гораздо позже сделал Иоанн III, было заветною мечтою Андрея Боголюбского. Прозорливым умом он видел, что единственное спасение Руси и ее могущество – в единении.

Молча сидел у себя в ставке, закутавшись в теплую шубу поверх кафтана, князь суздальский; сон бежал от его глаз; до рассвета еще было далеко; снежная буря завывала. Сын Андрея, Мстислав, и боярин Жидиславич мирно спали. В голове Андрея длинной вереницей проносились картины его тревожной, полной опасностей жизни, вспоминал он свои походы с отцом, сидение в Вышгороде, тайный уход оттуда, прибытие в Боголюбово, постройку храма, объявление себя суздальским князем, Владимир...

Какое-то странное предчувствие томило князя. Всегда уверенный в победе, на этот раз, хотя дружина его вместе с союзными князьями значительно превосходила новгородских защитников, он чувствовал какой-то невольный трепет. Тайный голос говорил ему: «Остановись! Не иди на приступ!» Андрей старался побороть в себе это чувство, но не мог.

Запела труба.

Как встревоженный улей закопошился пробужденный стан. Начались приготовления к приступу. Было совершенно темно. На морозном небе только что стали тускнеть звезды: рассвет надвигался. Перед суздальцами безмолвно лежала темная громада города. Глухо звенело вооружение ратников, да иногда тускло поблескивал щит конного боярина.

К самым стенам дружина не могла подступить, опасаясь засады со стороны врага, и выслала впереди себя соглядатаев. Скоро вернулись последние.

– Новгородцы спят... Они не ожидают ночью приступа. Захватить город будет легко...

Боярин Жидиславич внимательно выслушал разведчиков, но все-таки не решился идти на приступ, не переговорив предварительно с другими князьями.

Вскоре съехались они вместе и стали обсуждать, как вести бой.

– Ты, князь Олег, вместе с братом Игорем обойдете тын с левой стороны! – сказал Мстислав Андреевич. – Князья Ростиславичи, разлейтесь волной о правый бок его... Князья Глеб и Всеволод Юрьевичи зайдут еще вперед, к берегу Волхова, а я с дядей Владимиром и с другими князьями ударю прямо!

Все были согласны, план приступа был решен.

– Чтоб знали вы, когда зачинать, дружинник мой пошлет каленую стрелу в город!

Князья молча разъехались. Приступ должен был скоро начаться.

Андрей, томимый предчувствием, вернулся в ставку; он готов был отказаться от намерения брать город. Колебание его усиливалось; он знал, что еще можно все остановить, предотвратить кровавую сечь, но самолюбие не позволяло ему решиться на последнее.

Ночь медленно уходила. Стан опустел.

– Нет, все же остановлю я приступ! – решительно воскликнул Андрей.

Но было поздно. Послышались крики. Закипела сеча. Бой начался.

Всю ночь со вторника на среду молился новгородский архиепископ Иоанн в соборе перед образом Спаса. Тихо было во храме, чуть теплилась неугасимая лампада, освещая своим трепетным светом престарелого архиепископа, стоявшего на коленях и со слезами шептавшего слова молитвы.

Утомился старец. Темная ночь глядела в окна собора; холодно было архиепископу. И вот, когда, обессиленный долгим бдением, распростерся перед иконой, услышал он глас от нее:

– Иди на Ильинскую улицу, в церковь Спаса! Возьми икону Пресвятой Богородицы и вознеси на «забрало» стены! Она спасет Новгород!

Объятый страхом и трепетом, поднялся старый архиепископ и, шатаясь, побрел к входной двери. Спящий снаружи придверник на стук его отворил засовы.

– Беги скорее к братии, разбуди всех! – приказал он службе. – И приведи сюда!

Быстро бросился послушник исполнять приказание старца. Вскоре у соборного храма собралась братия.

– Великое поведаю вам чудо! – проговорил Иоанн и рассказал свое видение.

– Идем, владыко, вознесем на стены Пречистую Владычицу! – сказали в ответ ему иноки.

Слух о видении архиепископа быстро разнесся по городу.

Около церкви Спаса на Ильинской улице стояла густая толпа, когда иноки с песнопением вынесли святую икону из храма. Народ с умилением встречал Владычицу.

Архиепископ вместе с братией вознесли ее на «забрало» стены.

В неприятельском стане было тихо.

Вдруг окружающую тьму со свистом прорезала каленая стрела, она впиалась в щеку Богоматери.

В ужасе смотрели новгородцы на кощунственный удар.

Икона медленно сама перевернулась. Из глаз Владычицы заструились слезы и упали на фелонь архиепископа. Пораженный народ безмолвствовал. Страшное чудо совершилось.

– Други, – тихо проговорил архиепископ, – Владычица скорбит за вас! Вы видели ее чистые слезы...

Старец вдруг весь преобразился. Помолодевшим, звучным голосом он громко закричал стоявшим внизу новгородцам:

– Люд новгородский, постоим за Пречистую!.. – Воодушевление охватило толпу.

– Умрем за Владычицу! Постоим за Великий Новгород! – крикнули новгородцы и бросились за стены на врага.

На суздальцев нашло какое-то одурение. Они стали поражать стрелами друг друга и без всякой причины обратились в бегство. Все смешалось: люди и кони в беспорядке бежали в разные стороны.

Новгородцы кинулись в погоню.

Поражение суздальцев было полное. Князя все спаслись, но дружинников пало немало, много их было также захвачено в полон. По словам предания, их было такое большое количество, что новгородцы продавали потом своих пленных за бесценок, по две ногаты за каждого, то есть по восьми копеек нынешних.

Упоенные победой, новгородцы, удовольствовавшись большим числом пленных, отказались от дальнейшего преследования врагов и возвратились в город.

Чудотворная икона Божией Матери торжественно была водворена на прежнее место в церкви Спаса. Народ дал ей название в память этого чуда «Знамение Божией Матери».

Печально было возвращение союзной рати. Коней оставалось очень мало, большинство из дружинников шли пешком. В довершение всего припасы окончательно истощились, наступил голод. Чтобы избежать голодной смерти, разбитая рать, несмотря на Великий пост, решилась зарезать коней и питаться их мясом.

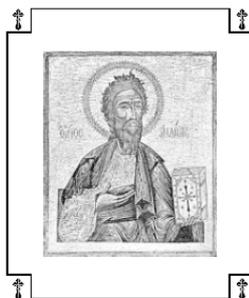
Обманувшиеся в своих ожиданиях князя печально возвращались в свои уделы.

Из книги «Под удельною властью»

Глава 14

Святой апостол Андрей Первозванный

Идите за Мною

Глава 14.

СВЯТОЙ АПОСТОЛ АНДРЕЙ ПЕРВОЗВАННЫЙ

(13 декабря)

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь!
Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Николай Гумилев

Объяснение праздника

Было так. Вскоре после крещения Господа от Иоанна в Иордане Иоанн стоял на берегу с двумя учениками своими, Иоанном и Андреем, и, увидев идущего Иисуса, сказал: «Вот Агнец Божий». Услышавши от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: «Что вам надобно?» Они сказали Ему: «Равви – что значит учитель, – где живешь?» Говорит им: «Пойдите и увидите». Они пошли и увидели, где Он живет, и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа, по нашему счислению около четырех часов вечера. Один из двух слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним был Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона, т. е. Петра, и говорит ему: «Мы нашли Мессию, что значит Христос» – и привел его к Иисусу.

В другой раз Иисус, проходя близ моря Галилейского, увидел Симона и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» – и они, тотчас оставивши свои сети, последовали за Ним. Вот сказание Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и Евангелиста Марка о призвании Апостола Андрея (Ии. 1, 35–41; Мк. 1, 16–18).

Пробыв со Христом один день и услышав от Него словеса Божественной премудрости и домостроительства нашего спасения, Апостол Андрей оставил все, что имел в мире: дом, родных, рыбный промысел и все небольшое состояние, – сделался ничтожеимущим, стяжав самое драгое, незаменимое и вечно-жизненное сокровище – веру во Христа, – и безвозвратно и усердно последовал за Ним до конца жизни своей.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский.

«Истинное, вечное богатство человека»

Александр Красницкий Пророчество

Это было вскоре после крестных страданий и смерти Иисуса Христа.

Он умер на кресте плотию, заповедав всему миру кроткую братскую любовь, плату добром за зло, но благая весть о Его святом учении пока хранилась и распространялась в одном только еврейском народе и едва-едва, в виде неясных туманных слухов, достигла до более или менее отдаленных от Палестины народов древнего мира.

Но Божественный Учитель наш еще до своей крестной смерти заповедал ближайшим своим ученикам разнести эту благовест повсюду, где только есть люди.

Могли ли они забыть завет Того, за Которым последовали, оставив все земное, все земные радости, печали, горе, счастье? Все это, все было принесено в великую жертву служения человечеству, над которым тяготел в то время беспросветный мрак язычества.

И вот святые апостолы разошлись по всему тогдашнему миру, всюду проповедуя слово Божие и всюду разнося радостную весть кроткой братской любви, всепрощения и тихого мира в сердцах человеческих.

Одни из апостолов избрали для проповеди страны более близкие к Палестине, где протекала жизнь их Божественного Учителя, где Он страданиями своими искупил грех прародителей. Они пошли в Грецию, в Рим, в Африку. Там уже сам языческий мир своим особым складом мышления приготовил благодатную почву для восприятия нового учения. Предстояла, правда, борьба, тяжелая борьба с язычеством, но апостолы и их ученики были уверены, что в этой борьбе они победят, рассеяв своим убежденным словом тяготевший целые века над человечеством мрак.

И они пошли туда, смелые, готовые на все, даже на самые страшные мучения, ради исполнения своего святого долга.

Другие же из них для себя избрали совсем иной путь.

Он пошли в неведомые страны, в земли, на которые даже гордый Рим не находил нужным обращать свое внимание. Среди них был и святой апостол Андрей, который был одним из первых учеников Иоанна Крестителя, а потому и назван Протоклетосом, то есть Первозванным.

Он вместе с братом своим пошел принести благовест о спасении совершенно «варварским» народам, обитавшим на южных, восточных и северо-восточных берегах Черного моря. Самой плохой славой пользовались эти народы в древнем мире. Чем-то нечеловеческим отзывалось в представлении даже образованнейших народов того времени – римлян и греков – понятие «скиф».

Целые легенды сложены были о них. Говорили, что скифы не обыкновенные люди, а ужасные существа, имевшие наполовину туловище человека, наполовину – лошади.

Они, скифы, были рассеяны на огромном пространстве земли.

Жили они отдельными племенами, не зная никаких других занятий, кроме охоты. Между ними не было никакой связи, хотя они все говорили на одном языке и молились одним богам. Каждый, даже самый маленький род управлялся по-своему. Твердых начал власти у них не было и в помине. Вечно они вели между собой ожесточенные войны, и никогда между ними не было дружбы и согласия.

К этим-то ужасным скифам и понес благовест первозванный святой апостол.

Постепенно он обошел все побережье Черного моря и наконец прибыл со своими спутниками в таинственную пустынную Скифию.

Напрасно искал апостол людей, которым бы он мог проповедовать благовест. Их было слишком мало на этих беспредельных пространствах, сплошь покрытых или девственными лесами, или заросшими гигантской травой степями. Однако апостол не был смущен этим. Он

смело шел вперед по неведомому дикому пути, пока не достиг устья великой реки – Днепра. Совершенно верное предположение, что по берегам этой реки должны были жить люди, заставило апостола скорее идти к ее верховьям.

Чудная природа страны также влекла его в эту неведомую даль, где он должен был впервые возвестить ее диким обитателям слова любви и мира. Эта природа не была так пышна, как на его родине – в Галилее. Солнце здесь не палило землю лучами своими, напротив, оно только ласково обогревало ее, как бы возвращая к жизни после все-мертвящего сна долгой северной зимы. Трава степей, зеленая листва дубрав не были слишком ярки, но в них преобладал нежный оттенок. Сам климат был нежен, воздух не дышал зноем. Ветерок в своих легких порывах то и дело приносил отрадную прохладу.

Да и сами обитатели этой неведомой никому дотоле страны были совсем другие.

Рослые, статные, дышащие физической мощью, с русыми длинными волосами, с открытым доверчивым взглядом голубых, как само небо над ними, глаз, как резко отличались они от соотечественников апостола Андрея – грубых, алчных, фанатичных до мозга костей израильтян; от хитрых, вероломных, всегда готовых на любое предательство греков; от гордых, презирающих все на свете, уверенных в своей мировой силе римлян, уже близких тогда к упадку.

Это был новый, свежий народ, в котором на много-много тысячелетий хранился запас великих душевных сил.

Этого народа-младенца пока еще не коснулось разложение.

Он жил, как дитя, но в этом дитяти свежи и без гнили таились семена правды и любви. Этот народ нелегко отдавался первому своему впечатлению. Он не был способен на эффектное мученичество, но был готов тихо, незаметно умереть за то, что считалось правым. Он жил по заветам своей страны, был верен этим заветам, но врожденный здравый смысл в то же самое время позволял ему ясно видеть и то хорошее, что могло быть вне преданий его дедов и прадедов.

Этим народом были славяне, наши предки.

К ним-то и явился с вдохновенной проповедью апостол Божий.

Он со своими спутниками шел вверх по великой реке славянской – Днепру. Он шел, и с каждым его шагом вперед по этой неведомой стране высшая сила, сила небесная, озаряла вдохновенную душу апостола.

Одаренный высшим разумом, он своим взором, проникавшим через завесу будущего, ясно видел, что этой стране предстоит великое дело – стать истинной хранительницей заветов Христа, что придет время, когда свет истины засияет в ней и многие тысячелетия будет гореть ярким пламенем в сердцах ее обитателей.

С такими мыслями дошел апостол до того места, где берег Днепра отвесной стеной возвышался над гладью реки. Это была целая гора, покрытая в то время лесом у своей подошвы.

Апостол не замедлил взойти на самый верх этой горы.

Чудная картина открылась перед ним.

Синей лентой извивался, идя из неведомой дали, величавый Днепр, а вокруг него, насколько мог видеть глаз, тонули в беспредельном пространстве необозримые зеленые степи.

Сердце апостола забилося. Он чувствовал, что сошла в его душу неземная сила, и, не желая бороться с овладевшим им волнением, он, благословив все, что было перед его глазами, пророчески воскликнул:

– Благословение Господа Нашего над землей этой. Отныне и во веки воссияет здесь благодать Господня!

Прошли века.

Вскоре после провозглашения великой воли небес апостол Андрей Первозванный, призвавший благодать Господню на земли славянские, мученически кончил жизнь свою. Во время

проповеди на Патрасе он был схвачен по приказанию римского проконсула Эгея и распят головой вниз на восьмиконечном кресте.

Так закончилось вдохновенное свыше дело святого проповедника благого учения Христа на земле.

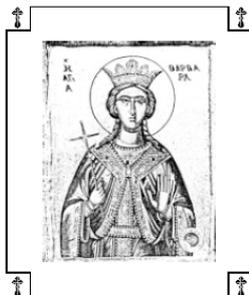
Но с земной его кончиной его великое дело не умерло, не заглохло, а все росло и укреплялось. За Христом следовали уже целые народы. Ради Него христиане тысячами гибли на арене римского Колизея. Христианство все более проникало и развивалось в Риме и Греции. Оно вступило в отчаянную борьбу с язычеством, и близко было то время, когда оно должно было великим светом любви победить этого своего врага.

Из книги «В дали веков»

Глава 15

Святая великомученица Варвара

Кто сотворил красоту?

Глава 15.
СВЯТАЯ
ВЕЛИКОМУЧЕНИЦА
ВАРВАРА
(17 декабря)

Святая великомученица Варвара (отрывок)

Она смотрела на созвездья,
И для нее в какой-то миг
Они вдруг стали как известье
О Том Творце, что создал их.

Виктор Афанасьев

Чему нас учат небеса

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя,
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, глена,
Блаженство ж вечное – лишь там.

Аполлон Майков

Объяснение праздника

Читая житие вспоминаемой ныне святой великомученицы Варвары, нельзя не удивляться необыкновенному терпению и мужеству с которыми она перенесла свои страдания. Несмотря на немощ своего пола, юность и красоту, из любви к Жениху Небесному она отвергла родительское богатое наследство, отвергла выгодное замужество, которое предлагал ей отец, и этим она могла бы еще более упрочить свое земное счастье. Чего только отец ни делал, чтобы отвратить ее от исповедания имени Христова и удержать в языческом нечестии... И ласки, и угрозы, и самые позорные и тяжкие мучения. Но мужественную Варвару ничто не поколебало – невеста Христова предпочла умереть, нежели выполнить незаконную волю язычника отца и тем изменить возлюбленному Жениху своему.

За это святая Варвара возвеличилась так, что не только сама получила небесный венец славы и сподобилась быть причастницей вечного блаженства, но и приобрела у Христа Бога нашего великое дерзновение ходатайствовать обо всех просящих у нее помощи. Потому-то и Святая Церковь благоговейно чествует ее память.

Но откуда в ней такое удивительное терпение и мужество? Что одушевляло ее среди ужасов смерти? Конечно, все это вследствие того, что она имела утешение свыше, или то «упование», которое, по слову апостола, «не посрамит». Иначе ни она, да и никто из последователей Христовых не мог бы явить столь изумительных подвигов самоотвержения. Ибо терпеть и в то же время не иметь утешения невозможно.

Протоиерей Григорий Дьяченко

Евгений Поселянин Кто сотворил красоту?

Есть какая-то особая высота и святыня в той душе, которая приходит к Богу по внутреннему влечению, которой Бог открывается Сам. Таким именно путем внутреннего чудесного озарения пришла ко Христу великомученица Варвара.

Отец ее не мог надыхаться на свою дочь. Красота ее, по мере того, как она подрастала, расцветала так, что отцу казалось, что глаза людей не достойны видеть Варвару, и для нее была выстроена высокая башня с великолепными палатами.

Лучшим утешением Варвары в ее затворничестве было смотреть с высоты на природу. Она любила уходить взорами в вечернюю пору в небо, горевшее мигающими звездами, словно возвещающими о каких-то великих, скрытых за этим загадочным шатром, иных мирах. Наблюдала она и красоту земли: праздники юных зорь, роскошь заката, изумрудный восход молодых посевов, колеблемые в летнюю пору ветром волны золотистых нив, немолчно шумящие вершины деревьев.

Захотелось ей, смотря на красоту мироздания, знать, кто же создал всю эту вселенную, украсил ее, как невесту для неведомого жениха.

Как-то она спросила одну из своих воспитательниц, указывая на красоту неба:

– Кто это сотворил?

Потом, взглянув на красоту земли, на поля и рощи, на сады в их весенней свежей зелени, на возвышающиеся к небу горы, на тихие задумчивые воды, она опять спросила:

– Чьей рукой создана вся эта красота?

– Все это создали боги, – ответили ей. Варвара стала расспрашивать, какие именно боги.

– Да те боги, – ответили ей, – которым поклоняется твой отец и которые стоят у него – золотые, серебряные, деревянные. Они все создали.

Варвара была вдумчива не по летам. И несообразность ответа бросилась ей в глаза. Она возразила:

– Ведь эти боги сделаны руками человеческими: как же они могли создать светлое, высокое небо и всю земную красоту, если сами не ходят ногами и не двигают руками?

Так Варвара размышляла ночью и днем и глядела на небо, замерев перед его тайнами, сжигаемая желанием познать Творца и Его творение. И вот – Господь, видя высокую жажду этой души, Сам пошел ей навстречу.

Как-то, когда она смотрела на небо, разгораясь желанием познать Того, Кто его сотворил, к Кому стремилась ее душа, еще не познавшая истины, но требовавшая ее, – был ей глас Божий.

Благодать озарила ум Варвары, внутренние очи открылись. Полнота истины озарила ее, и она сказала себе: «Един должен быть Бог, и Его не сделала рука человеческая, а Сам Он, имеющий собственное бытие, Своею рукою создает все. Един должен быть Тот, Кто поставил красоту неба, утвердил землю и освещает вселенную греющими лучами солнца, сиянием луны и блистанием звезд. Един Тот, Кто украшает землю различными деревьями, цветами, орошает ее реками. Един должен быть Бог, Который все держит и всем дает жизнь, и обо всем заботится».

И вот любовь к таинственному Богу, открывшемуся ее душе, стала охватывать все существо Варвары. Так бывает в любви земной, что, едва увидев человека, которого суждено любить всю жизнь, душа стремится всеми силами к нему, лишь в его присутствии ощущая в себе счастье и жизнь.

То же, но в еще большей степени было теперь с Варварой. Она жаждала узнать о Боге, думала лишь о Нем, сгорала любовью к Тому таинственному и неведомому, Которого предчувствовала, но Который еще так мало был ей открыт.

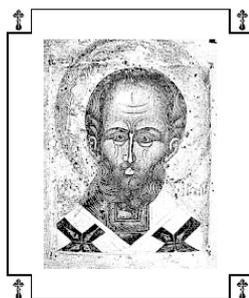
Она не могла надеяться получить от кого-нибудь весть о Боге, потому что никто не входил к ней на башню. Лишь иногда сообщал ей проблески истины Учитель и Наставник ее, Святой Дух, Который говорил с ее душой бессловесными знаками...

Как это было с великомученицей Варварой, – ясный ум не может не задаться таким вопросом... Такой ум придет к неизбежной вере в Творца и Промыслителя всего сущего.

Глава 16

Святитель Николай Чудотворец

*Скорый помощник
в бедах*

Глава 16.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

(19 декабря, 22 мая)

Касьян и Микола

«Архангел кликал звонко,
Услышал я, иду,
Да русский мужичонка,
Гляжу, попал в беду.
Дрова он воеводе
Спешил доставить в срок
Да на трясце-болоте
И увязил возок.
И мужичонка серый,
Российский человек,
Ко мне с великой верой
В мольбе своей прибег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.